

18+

Трейлист двух сердец

БРИТТАНИ Ш. ЧЕРРИ

Автор бестселлеров А М А Z О N . С О M

Freedom. Бриттани Ш. Черри. Лучшая романтическая проза

Бриттани Ш. Черри
Плейлист двух сердец

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Черри Б.

Плейлист двух сердец / Б. Черри — «Эксмо», 2021 — (Freedom.
Бриттани Ш. Черри. Лучшая романтическая проза)

ISBN 978-5-04-189296-8

Эмери еще никогда не чувствовала себя такой одинокой. Из всех сил она старается не потерять работу в баре, сохранить крышу над головой и заниматься воспитанием дочери. Помощи ждать не от кого. Любой неосторожный шаг, непредвиденные расходы — и их мир разобьется на осколки. Оливер Смит — рок-звезда и любимец публики. После смерти брата-близнеца и участника их дуэта парень теряет веру в себя и пытается сбежать от своих проблем. Но они следуют за ним по пятам. Так же, как и папарацци, застукавшие Оливера на самом дне его жизни. Он мог зайти в любой бар в Калифорнии, но зашел именно в этот. Эмери помогает Оливеру отбиться от гнавшейся за ним толпы. Такой была их первая встреча. Два человека, чьи судьбы наполнены потерями и болью. Однако есть надежда на исцеление. Но сможет ли их любовь противостоять целому миру?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-189296-8

© Черри Б., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

От автора	7
Пролог	8
1	19
2	23
3	29
4	36
5	39
6	43
7	47
8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Бриттани Ш. Черри Плейлист двух сердец

Моей семье.

Вы – мой любимый плейлист.

Brittainy Cherry
The Mixtape

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Text copyright © 2021 by Brittainy Cherry

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

© Полячук Т., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

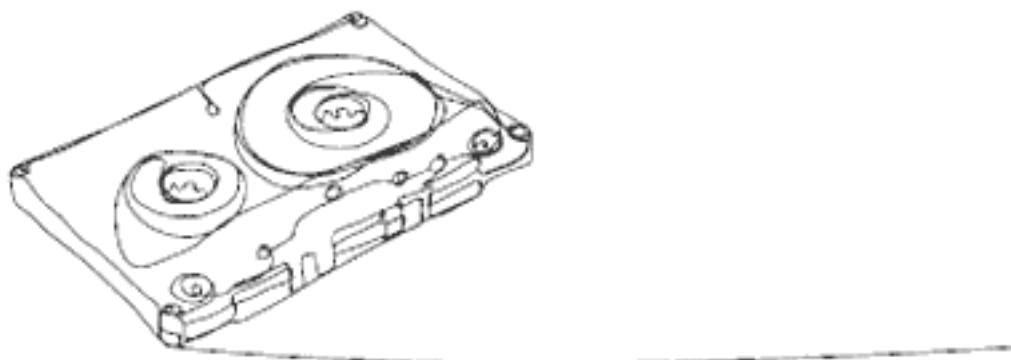

От автора

Эта история родилась из сострадания и любви к женщинам во всем мире, которые изо дня в день преодолевают трудности. Я хотела написать историю любви, наполненную искренними чувствами.

Поэтому отмечу, что некоторые эпизоды этой истории могут показаться болезненными для ряда читателей из-за упоминания в них наркомании, депрессии, оскорблений и насилия.

Пролог Оливер

Шестью месяцами ранее

Я появился на свет в семье экстравертов. Что насчет меня самого? Я не был таким ни на грамм. И меня это вполне устраивало. Повезло, поскольку я рано осознал свою натуру, и родные любили меня таким, какой есть. Я наслаждался замкнутым образом жизни. Книга, хороший плейлист и собака для компании – вот все, что мне требовалось для счастья.

Мой брат Алекс был полной противоположностью. Как и родители, он предпочитал находиться в центре внимания. Если где-то проходила вечеринка, то Алекс неизменно оказывался в самом ее центре. Когда у тебя есть близнец, проявление индивидуальности кажется почти невозможным, поскольку окружающие неизбежно вас сравнивают. Однако в отличие от Алекса, меня никогда это особо не беспокоило. Мы были лучшими друзьями, и все же между нами существовал миллион различий. Брат без усилий становился душой любой компании, я же выбирал роль созерцателя.

Алекс охотно общался с коллективом, в то время как я наблюдал со стороны. У меня не было сомнений в том, что я приятный собеседник, просто я предпочитал общение с глазу на глаз. Меня подавляла хаотично бурлящая энергия толпы. И хотя мы с братом никогда не допускали мысли, что один из нас в чем-то превосходит другого, у всего остального мира было свое мнение о каждом из нас.

Основанная нами музыкальная группа Alex & Oliver добилась немалой популярности, вероятно большей, чем того заслуживала. И как всегда из братьев или сестер, оказавшихся в центре внимания, публика обязательно выбирала любимчика. В случае с близнецами дело обстояло еще серьезнее. Пресса обожала нас сравнивать. Начиная с внешности и характера, заканчивая манерой одеваться и давать интервью. Алекс обладал необычайной харизмой. Он мог столкнуться с незнакомцем на станции метро, и уже через пять минут общаться с ним, как с закадычным другом.

Что касается меня? Я не спешил сближаться с людьми. Не открывался сразу, из-за чего порой казался излишне отстраненным. Однако на самом деле все было наоборот. Я хотел понять, что движет человеком. Видеть в людях не только солнечный свет, но и разглядеть скопившиеся в душах грозные тучи.

Меня не интересовала их любимая футбольная команда или рассказы о новогодней вечеринке в компании друзей. Но кем они становились в самые темные моменты жизни? Как обращались с животными, когда никто не видел? Насколько мрачными были тени нависшие над ними в минуты хандры? К сожалению, мы жили в мире, где желание разглядеть суть встречалось все реже. Люди предпочитали идти по жизни легко, демонстрируя окружающим лишь счастливый фасад. Порой требовались годы, чтобы заметить тень, притаившуюся у кого-то в душе, а мое окружение менялось слишком стремительно, чтобы успеть присмотреться поближе.

Возможно поэтому, несмотря на то, что мы с братом составляли дуэт, наши фанаты разделились на два лагеря. «Алексоголики» были ядром тусовки. Именно они наполняли толпу безудержной энергией присущей моему брату. «Оливки» – заметьте, название придумали сами фанаты, не я – вели себя куда более сдержанно. Они присылали мне собственноручно написанные письма и оставляли длинные сообщения в социальных сетях, описывая, как наши песни затронули их сердца.

И «Алексоголики», и «Оливки» были замечательными. Без равной доли участия каждого из них Alex & Oliver сейчас не праздновали бы выпуск звукозаписывающим лейблом их третьего альбома.

В тот вечер ночной клуб был до отказа забит элитой музыкальной индустрии. Они собрались на вечеринке в честь выхода нашего альбома «Heart Cracks». Талант, эго и непомерное богатство переполняли собой стены клуба. Сегодня здесь были все, кто имел хоть какой-то вес в светской тусовке, по крайней мере, так писали в интернете.

Я же хотел просто оказаться дома. Не поймите меня неправильно, я был признателен судьбе за все, что выпало на мою долю. Я испытывал искреннюю благодарность нашему лейблу и всей команде, но после нескольких часов проведенных на публике, моя душа требовала уединения. Меня не интересовали вечеринки. Гораздо приятнее вернуться домой, натянуть спортивные штаны и погрузиться в марафон документальных фильмов на Netflix. Я испытывал странную тягу к документальным фильмам. Собирался ли я когда-нибудь стать приверженцем минимализма? Нет. Посмотрел бы документальный фильм об этом? Да, черт возьми.

В ту ночь на вечеринке собралось очень много народа. Море улыбающихся лиц, большинство из которых толком меня не знали. Они смеялись и легко раздавали обещания увидеться вновь, зная наверняка, что не собираются претворять эти планы в жизнь. Прижавшись плечом к плечу, гости вели светские беседы о последних скандалах в индустрии.

Слева от меня Алекс со знанием дела наслаждался общением, как умел только он. Он выглядел как Прекрасный принц, которым всегда и был. А я, расположившись за столом полным закусок, набивал рот крабовыми палочками.

Единственное, что объединяло нас с Алексом – это наши музыкальные пристрастия и одинаковая внешность, доставшаяся нам в наследство от родителей. Папа часто шутил, что мама, похоже, не принимала активного участия в их отношениях. Поскольку от вьющихся темно-каштановых волос до глаз цвета карамели, мы с братом выглядели в точности как отец – статный темнокожий мужчина с добрым взглядом, крупным носом и широкой, великолепной улыбкой. Если наши родители не улыбались, то они смеялись; если не смеялись, то танцевали. А чаще всего они проделывали все это одновременно. Нас вырастила пара самых счастливых и отзывчивых людей в мире.

Я кружил у стола с закусками, когда мне на плечо опустилась чья-то рука. Невольно застыв, я уже решил, что пора снова надевать маску общительного парня. Но быстро обернувшись, вздохнул с облегчением, увидев позади себя Алекса. Брат был одет в черное. На поясе блестела золотая пряжка ремня Hermes, несомненно, позаимствованного в моем шкафу. Воротник его рубашки с закатанными до локтей рукавами выглядел идеально отутюженным.

– Тебе стоит умерить пыл в общении с гостями, брат. Они переживают, что ты вот-вот запрыгнешь на стол и начнешь танцевать, – пошутил Алекс, выхватывая из моих пальцев мой пятидесятый за сегодня кусочек крабового мяса и закидывая его себе в рот.

– Я поздоровался с Тайлером, – возразил я.

– Поздороваться с собственным менеджером – это ли не образец общительности. – Он посмотрел по сторонам и потер рукой затылок, задев цепочку на шее. Висящий на ней кулон в форме половинки сердца закачался из стороны в сторону. Вторая половина украшения принадлежала мне. Много лет назад, когда мы собирались в наш первый тур, мама подарила нам эти кулоны. Она сказала, что так ее сердце всегда будет биться рядом.

Слащаво до чертиков, но очень в духе нашей сентиментальной матери. Самой милой женщины в мире и самой большой плаксы на всем белом свете. Она до сих пор не могла смотреть «Бемби» без слез.

Мы никогда не снимали эти украшения. Для меня оно стало напоминанием о доме.

– Пойду, поболтаю с Кэм. Как тебе идея? – предложил я. Алекс попытался скрыть гримасу на лице, но маска невозмутимости не была его коньком. – Ты не можешь злиться на нее вечно.

– Знаю. Но мне очень не понравилось ее интервью. В погоне за популярностью, она швырнула тебя на растерзание волкам. Некрасиво так поступать со своим парнем.

В самом начале нашего творческого пути мы часто выступали на небольших площадках. Именно так жизнь свела нас с Кэм – юной провинциалкой из Джорджии и подающей надежды кантри-певицей.

Мы легко нашли общий язык, хоть и выступали в совершенно разных стилях. Alex & Oliver исполняли соул и R&B, а Кэм – кантри. Не каждый день встретишь двух темнокожих парней, добившихся успеха в индустрии, где такие, как мы в меньшинстве.

Мы с братом пользовались популярностью, но звезда Кэм взошла на небосвод только в прошлом году. Я радовался, наблюдая как ее талант, наконец, начал приносить плоды. Единственная проблема заключалась в том, что вместе с успехом росло и ее самолюбие. Она сияла в свете софитов. И, похоже, это сияние быстро превратилось в зависимость. Вскоре, я со всей ясностью осознал, что мы идем разными дорогами. Я помню, в какой момент это произошло. Мы направлялись на обед, когда Кэм сама обратилась к папарацци с просьбой нас сфотографировать.

Популярность стала всем, что ее интересовало. Больше, больше, больше славы. Ей всегда было мало. Потребность находиться в центре внимания вышла за рамки здравомыслия. Она принимала поспешные решения, не задумываясь о последствиях своих поступков. Доверяла не тем людям. Ее поведение уже мало напоминало ту милую девушку, с которой я познакомился много лет назад.

Тем не менее я чувствовал, что в ней еще осталось что-то хорошее. Последние несколько лет я тоже находился под пристальным вниманием публики, поэтому понимал, как легко это может вскружить голову. Мне нравилась та глубокая связь, которая возникла между нами, когда мы впервые встретились. Кэм была девушкой, следовавшей за мечтой, так же как и я. Я знал, что доброта еще живет в ее душе. Казалось, ей просто нужно найти точку опоры, ведь успех пришел к ней слишком стремительно. Порой, заглянув в ее глаза, я все еще видел наивность. А иногда и страх. Каким засранцем нужно быть, чтобы отвернуться от нее, когда она только-только начала разбираться в происходящих в ее новой жизни событиях?

Алекс злился, потому что, несколько недель назад Кэм во время интервью проговорила о наших отношениях. О том, что я предпочел бы оставить личным. Она знала, что я не хочу выставлять личную жизнь на публику, ведь мы не раз наблюдали, как СМИ рвут людей на части на потеху толпе. Кэм уверяла, что это вышло случайно, журналист хитростью выманил у нее ответы. Я ей поверил. Почему бы и нет?

– Она не со зла, – пробормотал я, глядя на своего крайне раздраженного брата.

Он пожал плечами.

– Конечно, нет. Но тем не менее она пустила в ход вашу историю, чтобы прибавить себе популярности. Я знаю, вы довольно долго были вместе и не хочу сказать, что она тебя использует...

– Тогда не говори, – ответил я сквозь стиснутые зубы.

Алекс нахмурился.

– Ладно. Проехали.

– Благодарю. – Он хотел как лучше. Алекс всегда пытался меня опекать, и когда дело касалось его бывших пассий, я вел себя так же. Мы желали друг другу только самого лучшего. Выдавив из себя улыбку, я похлопал его по плечу. – Мой внутренний интроверт уже начинает сходиться с ума, так что, думаю, мне пора уходить.

– Сбегаешь с собственного праздника? Хотел бы сказать, что удивлен, но... – он ухмыльнулся. – Кэм с тобой?

– Да, мы пришли вместе. Надо ее найти.

Алекс хлопнул меня по спине и схватил со стола фрикадельку на палочке.

– Звучит заманчиво. Напиши, когда доберешься до дома, хорошо? Звони, если что-то понадобится. Люблю тебя.

– И я тебя.

– О, и братишка?

– Да?

– Поздравляю с новым альбомом. И прибавкой в пятьдесят миллионов! – воскликнул Алекс. Его глаза заблестели от переполнявших эмоций, что часто случалось и с нашей матерью. *Эмоциональный засранец.*

– Это только начало, – заверил я, заключая брата в объятия и похлопывая его по спине. Я несколько раз моргнул, прогоняя слезы. *Эмоциональный засранец.*

Полагаю, для нашей семьи излишняя эмоциональность была нормой. Но, черт возьми, последние пятнадцать лет мы упорно трудились, добиваясь признания. Когда наша песня Heart Stamps попала в чарты Billboard, нас окрестили сенсацией. Однако СМИ упустили из виду долгие годы борьбы, которые привели нас к успеху.

Я прихватил еще кусочек краба и направился в сторону Кэм. Мысли заметались в голове от осознания, что придется перекинуться парой слов еще и с окружавшими ее людьми, а мой лимит общения на сегодня был почти исчерпан. Желчь начала подкатывать к горлу, по мере того, как я подходил все ближе к толпе. Я изо всех сил старался подавить нервозность.

Если и существовал единственный известный факт о Кэм, который не подвергался сомнению, так это то, что она была сногшибательно красива. Никто в здравом уме с этим бы не поспорил. Она выглядела как богиня со светло-кариими глазами, длинными гладкими иссиня-черными волосами и соблазнительным телом. Ее улыбка и грациозная манера двигаться могли покорить любого. Именно ее широкая улыбка пленила меня когда-то.

В тот вечер на ней было узкое черное бархатное платье, облегающее фигуру, словно вторая кожа, и туфли с высокими каблуками и красной подошвой. Кэм собрала волосы в высокий конский хвост, а губы накрасила алой помадой.

Я положил ладонь ей на поясницу, и Кэм невольно прильнула ко мне, а затем оглянулась через плечо.

– Ах, Оливер! Привет. Я тебя не узнала.

Кто еще мог так просто прикоснуться к ней? В чьих руках она также растаяла бы?

– Это всего лишь я. – Двое мужчин с которыми она общалась, когда я подошел, улыбувшись, кивнули мне. Ответив им таким же кратким приветствием, я снова обратился к Кэм:

– Я собирался уходить. Подумал, ты захочешь покинуть вечеринку со мной, раз уж мы вместе пришли.

– Что? Нет. Ночь только начинается. Не будь занудой, – попыталась она пошутить и вновь повернулась к своим собеседникам. – Оливер вечно ломает кайф от любой вечеринки.

Компания засмеялась, словно я главный клоун на этом празднике. Сердце сжалось в груди. Я отдернул руку от Кэм, склонился к ней ближе и прошептал на ухо.

– Надеюсь, ты понимаешь, что не обязана вести себя так.

– Как так?

– Постоянно играть на публику. – Она исполняла перед ними роль, пытаясь казаться легкой и непринужденной. Но этим, как верно заметил Алекс, швыряла меня на растерзание волкам.

Наши глаза встретились. Я успел заметить вспышку отвращения, промелькнувшую в ее взгляде, прежде чем Кэм взяла себя в руки, натянула фальшивую улыбку на лицо и тихо заговорила в ответ.

– Я не играю. Я налаживаю связи, Оливер.

А вот и она.

Женщина, которую я больше не знал. Та сторона Кэм, которая мне крайне не нравилась. Я все чаще тосковал по девушке, которой она когда-то была.

Вернись ко мне.

Я не сказал больше ни слова, понимая, что достучаться до нее, пока она в образе, не получится. На лицах мужчин заиграли ухмылки, когда я развернулся и пошел прочь от этой троицы. Я не потрудился попрощаться. К черту их и их ехидные улыбки. Я знал точно, когда Кэм вернется домой этой ночью, она вернется ко мне.

Пробираясь сквозь набитый, как банка сардин, клуб, я старался не поднимать головы и не встречаться ни с кем взглядом в надежде избежать любого рода общения. Мой мозг уже достиг своего предела. Я лишь хотел, чтобы водитель встретил меня у входа и отвез домой.

Пробормотав «спасибо» парню, подавшему мне куртку в гардеробе, я вышел на улицу. За ограждением слева от входа всю ночь дежурили папарацци, фотографируя всех без исключения знаменитостей, покидающих клуб.

– Оливер! Оливер! Сюда! Ты пришел с Кэм! Проблемы в раю?

– Почему ты уходишь один?

– Правда, что вы тайно встречаетесь уже много лет?

– Зачем вы скрывали отношения? Ты ее стыдился?

Вот почему я не хотел, чтобы эти придурки совали нос в мою жизнь.

Решив не вступать с ними в диалог, я повернул направо, где за еще одним заграждением стояли люди, которые были мне искренне небезразличны. Фанаты.

Я устал и мысленно уже находился далеко отсюда, но все равно улыбнулся и направился к ним. Без поддержки этих людей вечеринка по случаю выхода нашего с Алексом альбома никогда не состоялась бы, поэтому я всегда старался уделять им как можно больше времени и фотографировался со всеми желающими.

– Привет, как дела? – спросил я, усмехнувшись юной девушке, которой с виду едва ли исполнилось восемнадцать. Она держала в руках табличку с надписью «Оливки навсегда».

– О боже, – прошептала она, растягивая рот с разноцветными брекетами в широкой улыбке. Девушка задрожала, на ее глазах появились слезы. Я успокаивающе положил ладонь на ее трясущуюся руку.

Уверен, если бы ее не поддерживали друзья, она рухнула бы на землю.

– Т-ты мой к-к-кумир, – выдавила она, заставив меня улыбнуться.

– А ты мой. Как тебя зовут?

– Адия. – По ее щекам потекли слезы, и я смахнул их ладонью. – Ты н-не понимаешь, – заикаясь, продолжила она и покачала головой. – Ваши песни помогли мне справиться с депрессией. Надо мной все издевались, я хотела покончить с собой, но ваша музыка всегда была рядом. Ты меня спас.

Ничего себе.

Не плачь, Оливер. Не смей, черт возьми, реветь.

Я сжал ее ладонь и наклонился ближе.

– Ты даже не догадываешься об этом, но ты тоже меня спасла, Адия.

Именно ради нее я творил. Ради нее и всех, кто пришел сегодня поддержать Alex & Oliver. К черту папарацци. Я здесь для фанатов, потому что они здесь ради меня.

– Фотографируешься без меня? – вклинился Алекс, хлопнув меня по спине. Он держал в руках куртку, словно тоже собирался уходить.

– Куда идешь? – спросил я.

– Я устал. – Алекс взглянул на часы.

– Врешь. – Брат всегда уходил с вечеринки одним из последних.

Он ухмыльнулся.

– Келли написала, что проголодалась. Ей нездоровится, поэтому я решил привезти ей куриный суп с лапшой.

Тогда понятно. Келли – моя ассистентка. Когда дело касалось ее, брат превращался во влюбленного щенка. Сейчас она временно жила в моем гостевом домике, поскольку в ее лофте шел ремонт. И мне казалось, что в последнее время Алекс появляется у меня дома гораздо чаще, чем обычно. Вот только навещал он точно не меня.

– Я подумал, ты меня подбросишь, – сказал он, слегка толкнув меня локтем. – Как только сделаем еще пару фото с ребятами.

У меня не раз возникало ощущение, что между Алексом и Келли есть особая связь, поэтому я не удивился, когда они начали общаться. Честно говоря, они идеально друг другу подходили. Келли долгое время боролась с расстройством пищевого поведения, появившегося вследствие ее попыток соответствовать голливудским стандартам красоты. Алекс стал тем, кто помогал ей справиться с этой проблемой. Каждый день без исключений он садился за стол рядом с Келли и ел вместе с ней, показывая, что она не одинока в своей борьбе. Вскоре то, что начиналось как дружба, стало перерастать в нечто более глубокое.

Сделав еще несколько фотографий с фанатами и игнорируя стервятников по правую сторону от входа, продолжавших выкрикивать безумные вопросы, мы с Алексом забрались на заднее сиденье черной «Ауди».

– Привет, Ральф, не против, если я закурю? – спросил Алекс, наклонившись вперед к водителю.

– Все что угодно, мистер Смит, – как обычно невозмутимо ответил Ральф. Брат всегда спрашивал его разрешения, а Ральф непременно отвечал согласием.

Алекс откинулся на спинку стула и закурил сигарету. Он не был заядлым курильщиком, но любил подымить после важного мероприятия. Возможно, таким образом, он отвлекался от светской суеты. Я бы перенял его привычку, если бы она помогла мне справляться с моей социофобией. К несчастью от дури я еще больше переживал о том, что обо мне думают люди.

Спасибо, но я пас.

– Слышал эту песню? – спросил Алекс, достав телефон и нажимая воспроизведение. – Godspeed Джеймса Блейка. Черт. У него такой офигенный голос, чувак. Мягкий, как виски. Напоминает наши старые записи, сделанные до того, как мы подписали контракт. – Он снова откинулся на сиденье и закрыл глаза. – Всякий раз, слыша подобные песни, я чувствую себя предателем. Ведь мы хотели создавать именно такую музыку, понимаешь? Музыку, которая цепляла бы за душу. Заставляла чувствовать себя живым.

Эта композиция звучала мощно, но непринужденно, в присущей Джеймсу Блейку манере. Она проникала глубоко в сердце. Алекс был прав, когда-то наша музыка вызывала похожие чувства. Словно, она важна. Подписав контракт, мы во многом изменили стиль в угоду звукозаписывающему лейблу, что принесло нам не только славу и миллионы поклонников, но и миллионы долларов. Порой мы задумывались о цене нашего успеха. Сколько денег и славы нужно, чтобы продать свою душу?

Я не раз мечтал вернуться в те дни, когда мы выступали на маленьких площадках перед небольшими аудиториями.

В то время я чувствовал себя настоящим.

Я достал телефон и открыл плейлист, чтобы включить свой любимый трек Джеймса Блейка. Мы с Алексом постоянно обменивались музыкой, с ее помощью выражая свое настроение. Порой мы бывали так измотаны, что сил на душевные беседы уже не оставалось, поэтому песни стали для нас своеобразным способом общения.

Отличный день? It Was a Good Day от Ice Cube. Приуныл? This City Сэма Фишера. Все вокруг бесит? Fuck You от CeeLo Green. Всегда есть песня способная выразить то, что ты чувствуешь.

– Слышал эту? – спросил я, включив Retrograde Джеймса Блейка. Услышав ее впервые, я сразу уловил смысл.

Алекс открыл глаза и подался вперед. Нахмутив брови, он начал медленно качать головой в такт песне.

– Черт, – сказал брат, усмехнувшись словам песни, мгновенно засевающим в голове. Его глаза заблестели. На кончике сигареты зажатой между его губ вспыхнул красновато-оранжевый огонек. – Вот к чему мы должны вернуться. – Он потер пальцами слезящиеся глаза, и я ухмыльнулся.

Мой чувствительный брат под кайфом становился еще более эмоциональным.

– Реально, Оливер. Мы должны вернуться к...

Его речь оборвалась, поскольку машина внезапно резко затормозила и нас с Алексом рывком бросило вперед.

– Что, черт возьми, случилось? – спросил я.

– Простите, ребята. Какие-то придурки пронеслись по дороге, как идиоты, – ответил Ральф и нажал на газ, снова трогаясь с места.

Ровно в тот момент, когда мы перевели дух и уселись обратно на сиденье, мир вокруг нас начал разлетаться на куски. Вместе с окнами, разбитыми вдребезги ударом автомобиля, врезавшегося в левый бок нашей машины. У нас не было ни секунды, чтобы сориентироваться и понять, что происходит. Единственное что я знал, что все мое тело болит. Телефон вылетел из рук. В груди полыхал пожар, перед глазами все плыло.

Нас окружил рев клаксонов. Крики людей эхом отдавались в барабанных перепонках.

Я старался изо всех сил, но не мог пошевелиться. Мне показалось... мир перевернулся.

Я вверх ногами? Машина перевернулась? А Алекс?..

Черт.

Где Алекс?

Я посмотрел влево, шея вспыхнула болью даже от такого легкого движения. Брат был там. С закрытыми глазами и лицом залитым кровью. Он не шевелился.

– Алекс, – выдавил я. Слово обожгло горло, глаза наполнились слезами. – Алекс, – звал я снова и снова, пока моя голова не наполнилась нестерпимой болью.

Мне пришлось закрыть глаза.

Я не хотел их закрывать.

Я хотел проверить, как там Алекс.

Я должен был убедиться, что он в порядке.

Я должен...

Черт.

Я задышался. Почему так горело горло? Алекс в порядке?

Зрение постепенно затуманивалось, а песня Retrograde все продолжала эхом звучать в моей голове.

ЗВЕЗДА ПОГАСЛА

Автор: Джессика Пепперс

Еще одна звезда погасла на музыкальном небосводе. Гитарист Alex & Oliver умер в возрасте 27 лет. Попавший в смертельное ДТП музыкант был доставлен в мемориальный госпиталь, где сразу по прибытии объявлен скончавшимся.

Близкое окружение группы сообщило, что Алекс покинул вечеринку раньше времени по вине своего брата Оливера. Однако не слишком ли поспешно возлагать ответственность за случившееся на плечи брата усопшего? Сам Оливер отделался незначительными травмами и почти не пострадал. Тем не менее, кто знает, как эта невосполнимая потеря отразится на будущем артиста.

Следите за новостями на сайте и помните, что первыми вы узнали о них на W News.

СРОЧНАЯ НОВОСТЬ

Проклятие клуба 27

Алекс Смит погиб

в возрасте 27 лет

Автор: Эрик Хантер

Джими Хендрикс, Дженис Джоплин, Джим Моррисон, Курт Кобейн, Эми Уайнхаус.

Что объединяет этих людей, кроме того, что все они являются легендарными музыкантами? Они покинули этот мир слишком рано в возрасте 27 лет. К несчастью, к их клубу присоединился еще один юный талант. Накануне вечером в результате автокатастрофы погиб Алекс Смит. По неподтвержденным данным в крови музыканта обнаружены следы наркотических веществ. Мы обратились за разъяснениями к представителям Оливера, однако до сих пор не получили ответа.

Произошедшая трагедия порождает массу вопросов. Какая судьба ждет Alex & Oliver?

Продолжит ли Оливер выступать уже без брата? Смирится ли он когда-нибудь с личной потерей?

Только время покажет.

Следите за новостями об этом трагическом событии на нашем сайте.

Несчастье постигло

Alex & Oliver

Автор: Аарон Бэнк

Алекс Смит из Alex & Oliver погиб сегодня вечером в результате автокатастрофы. Одна из самых ярких звезд музыкальной индустрии покинула нас слишком рано.

Со смертью Алекса мир потерял не только талантливого музыканта, но и выдающегося борца за права человека. Алекс Смит сделал много хорошего для этого мира. Начиная с голоса в сообществе чернокожего населения, до участия в маршах за равенство. Без сомнения, он ушел слишком рано.

Популярный в Твиттере¹

хештег

#ПокойсяСМиромАлексСмит

ШеннонЕ: Тот неловкий момент, когда погиб не тот из братьев Смит.
#ПокойсяСМиромАлексСмит

HeavyLifter: Оливер просто гребаный неудачник. Если бы он не заставил брата уйти раньше, Алекс остался бы жив. Его кровь на руках Оливера. Посвящается лучшему гитаристу, которого видел этот мир.
#ПокойсяСМиромАлексСмит#ПошелТыОливерСмит

BlackJazz4235: Кто, черт возьми, такие эти Alex & Oliver? Судя по всему, какая-то эмо-группа стенающая в родительском подвале
#ПокойсяСМиромАлексСмит#ДерьмоМузыка

Uptown Girl: Как так вышло, что сегодня только 6 января, а уже умер один из моих кумиров? К черту Новый год. Пусть начнется заново
#ПокойсяСМиромАлексСмит

UntitledSoul: Вот почему, детишки, нужно говорить «нет» наркотикам. Чертовы наркоши. #ПокойсяСМиромАлексСмит

¹ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

БУДУЩЕЕ

ОЛИВЕРА СМИТА ПОД УГРОЗОЙ

Автор: Эрик Хантер

Прошло уже полгода со дня смерти Алекса Смита, одного из участников потрясающего дуэта Alex & Oliver. Эти шесть месяцев дела Оливера складывались не слишком гладко. Мы наблюдали, как его пребывание в психиатрической клинике было омрачено недобросовестностью сотрудников учреждения, раскрывших информацию о местонахождении артиста, что в свою очередь привело к массовому наплыву папарацци к стенам лечебницы. В результате, Оливер был вынужден прервать курс лечения и покинуть учреждение, так и не получив помощи, в которой по всей видимости, нуждался. С тех пор Оливер Смит вел жизнь отшельника, почти не покидая стен собственного дома. По информации инсайдеров, артист находится на грани нервного срыва.

Все это время поклонники не оставляли надежды, что Оливер придет в себя и оправится от трагической потери. Но время идет и, видимо, ребята, нам пора проститься с этой идеей.

Похоже, Оливер навсегда повесил гитару на гвоздь. И к тому же давайте будем честны. Кому нужен Оливер без Алекса?

1

Оливер

Настоящее

Я проснулся в постели с женщиной, которую все еще любил, но которая нравилась мне гораздо меньше, чем прежде. Раньше все было иначе. Когда-то я восхищался Кэм Джонс. Мы вдохновляли друг друга. Искренне и подолгу разговаривали. Я обожал ее. И даже представлял, что когда-нибудь она станет моей женой. Однако со временем она все сильнее отдалялась, становясь для меня чужой.

Через пару дней после смерти Алекса поползли слухи, что Кэм мне изменяет. Она клялась, что это ложь. Вот почему я никогда не хотел афишировать наши отношения. Если стервятники вцепятся когтями в твою личную жизнь, то не отстанут, пока не разорвут ее на части.

После признания Кэм, что слухи не соответствуют действительности, я не стал копать глубже. Папарацци постоянно распространяют ложь – это их работа. К тому же мое душевное состояние оставляло желать лучшего. Я не мог себе позволить поссориться с Кэм, я нуждался в ней. Почти каждый вечер она проводила лежа рядом со мной. Пусть я мелкий гаденыш, раз нуждался в этом, но я ненавидел оставаться в одиночестве.

В моей голове бродили мысли слишком тяжелые, чтобы оставаться с ними наедине.

Кэм зевнула и потянулась, шлепнув меня рукой по лицу. Я застонал и повернулся к ней спиной, прячась подальше от ее ледяных пальцев. Удивительно, как можно быть такой холодной укутавшись кипой одеял.

Я повернулся на левый бок, Кэм потянула одеяло вправо, стащила его с меня и завернулась в него. Ворча под нос, я приподнялся, сел на край своей кровати королевского размера и потер пальцами виски. Я попытался встать, но замер, мир внезапно начал все быстрее и быстрее вращаться перед глазами.

Кофе.

Мне нужен кофе, и поспать еще лет пятнадцать. Я не помнил, когда в последний раз высыпался, не считая пьяной отключки. Я не мог уснуть трезвым; мысли не давали покоя.

– Проснись и пой, принцесса, – раздался веселый голос. Я слегка приподнял голову и повернул ее в сторону двери спальни. Левый глаз приоткрылся и размытая картинка обрела четкость.

Предо мной стоял Тайлер с чашкой кофе и пузырьком обезболивающего. Боже, благовослови этого человека и его талант без слов знать, что мне нужно. Он был невысоким лысым парнем лет тридцати с телосложением супергероя и сильным бронкским акцентом, от которого не избавился, перебравшись из Нью-Йорка на западное побережье.

Тайлер предпочитал вещи от лучших дизайнеров, но непременно портил образ самыми уродливыми солнцезащитными очками в мире. Если честно, они выглядели, словно принадлежали кому-то из семидесятых. По-моему я видел эти очки в паре эпизодов «С возвращением, Коттер»², которые мы любили смотреть с отцом. Если бы Тайлер был собакой, он выглядел бы как помесь чихуахуа и питбуля. С крепким телом, чертовски громким лаем и до смешного нелепым видом. Тем не менее ему это шло.

Недовольно проворчав в ответ, я продолжил массировать пальцами лоб.

Кэм зашевелилась под простынями, громко зевая села и потерла лицо руками.

– Ты принес мне кофе? – спросила она, поворачиваясь к Тайлеру.

– Ни за что, – фыркнул он и, подхватив с пола лифчик, швырнул его Кэм.

– И тебе доброе утро, Тайлер.

– Изыди, ведьма, – ответил он, несколько не удивленный моей регулярно повторяющейся ошибкой. Все вокруг знали, что эти двое друг друга ненавидят. Тайлер считал ее недостойной внимания задолго до появления слухов об измене. Они с Алексом придерживались единого мнения, полагая, что она пользуется мной ради пиара.

Я не мог заставить себя в это поверить. Ведь где-то глубоко внутри нее скрывалась прекрасная душа, с которой я познакомился много лет назад. По крайней мере, эту ложь я твердил себе, пытаясь пережить еще один день.

– Я найду себе кофе. В любом случае, мне пора. Нужно выбрать благотворительную организацию и сделать пожертвование, чтобы обеспечить себе хорошие отзывы в прессе, – сообщила Кэм.

– Пожертвования делают не ради отзывов в прессе, – пробормотал я.

Она закатила глаза.

– Это единственная причина, по которой стоит заниматься благотворительностью. Иначе, какой в этом смысл?

Кэм медленно проползла по кровати, пока не прижалась обнаженной грудью к моей спине. Ее прохладная смуглая кожа коснулась моей темной. На секунду мы оба поверили, что наши тела идеально сливаются вместе. Однако мы знали, что пытаемся собрать воедино два несовпадающих фрагмента головоломки.

– Ты уже поговорил с менеджером, чтобы мне позволили выступить сегодня во время твоего шоу? – спросила она, напомнив мне о вечернем концерте.

– Я его менеджер, черт возьми, и мой ответ «нет», – заметил Тайлер.

Кэм раздраженно фыркнула.

– Когда ты от него избавишься?

– Никогда, – ответил я.

– Слышала? Никогда. Я с нетерпением жду того дня, когда он избавится от тебя, – сказал Тайлер.

Девушка злобно зашипела в его сторону, и Тайлер оскалился в ответ.

Кэм коснулась губами моего уха, и я слегка вздрогнул от ее прикосновения. Я не сомневался, что она не сводит глаз с Тайлера, пытаясь доказать ему собственную точку зрения. Что она контролирует меня, не он.

² Американский ситком 1975–1979 гг.

– Ночью было весело, – томно проговорила она хриплым голосом. Весело? Разве? Я так напился, что почти ничего не помнил. Ее локоны покачнулись, задевая мой затылок. – Мне пора на встречу. Увидимся вечером.

Я промолчал. Кэм и не ждала ответа. Мы не разговаривали. Точнее она говорила, а я нет. Что ее устраивало. Она всегда мечтала иметь слушателя, который будет сидеть и молча внимать всему, что она скажет. Ей нужен был тот, кто выслушает, а мне компания. Когда она лежала рядом со мной по ночам, я на мгновение мог притвориться, что мир не рухнет вокруг и почувствовать себя не столь одиноким.

Безумие, но одиночество порой приводит людей туда, где им давно нет места.

Кэм натянула платье, самодовольно ухмыляясь и демонстративно поглядывая на меня.

– Пока, Тай, – сказала она, выхватив у него из рук чашку с кофе и, виляя бедрами, вышла из комнаты.

Тайлер с недовольным видом проводил ее взглядом.

– Персональное ежедневное напоминание, что не стоит делить постель с дьяволом, – прокомментировал он. – В любом случае, пошевеливайся. Нам давно пора. Ты уже должен был принять душ.

Он подошел к шкафу и распахнул дверцы, открывая огромное пространство, заполненное таким количеством дизайнерской одежды, сколько никогда не пригодилось бы одному человеку. В центре гардеробной стоял остров с выдвижными ящиками, набитыми дорогими часами, дизайнерскими носками и украшениями, стоящими больше, чем ипотечный кредит.

– Я тут подумал. Наверное, нам стоит перенести концерт.

– Ты ведь шутишь? – спросил Тайлер, появляясь из гардеробной с выбранным для меня нарядом. – Ты сам решил выступить сегодня.

Верно. Концерт был моей идеей. Начитавшись статей о том, как все у меня плохо и в каком я раздрае, я решил что должен доказать миру, что в порядке. Пусть это и не правда. Мой успех принадлежал не только мне, но и всей команде. Людям, которые от меня зависели и хотели продолжать заниматься музыкой. Менеджер, пиарщики, Келли, Ральф, который к счастью выжил в аварии, получив лишь незначительные травмы. Их заработок зависел от меня. Когда звукозаписывающая компания предложила мне стать сольным артистом, я позаботился о том, чтобы никто из моих сотрудников не лишится работы.

И все же... я понятия не имел, как выступить одному.

Черт, я не знал, как жить без своего брата.

– Это прекрасная возможность, Оливер, – сказал Тайлер, будто уловив тревожный ход моих мыслей. – Понимаю, будет непросто. И если бы я мог выйти на сцену вместо тебя и выступить, я бы сделал это. Но единственное, чем я могу помочь, это стоять за кулисами вместе с Келли и болеть за тебя. Кстати, пока мы тут беседуем, она уже готовит завтрак. Так что иди в душ и смой с себя ведьмин дух.

Я направился в ванную оснащенную душем с тремя лейками – бедные богатые люди – и последовал совету Тайлера. Мне хотелось продолжить спорить о том, что сегодняшнее выступление глупая затея и если честно, я не видел в ней никакого смысла. Я был участником дуэта, и после смерти Алекса для меня стало очевидным, что Alex & Oliver канули в лету.

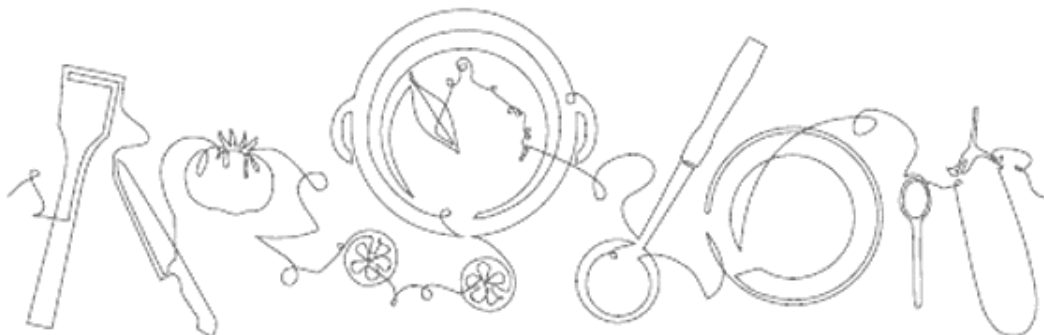
Как верно заметили в прессе: «Кому нужен Оливер без Алекса?»

Стоя под душем, я надеялся, что вода смоет мою головную боль, однако этого не произошло. Я думал, вода поможет прогнать и мои мрачные мысли тоже, но и этого не случилось. С этим мне не везло. Я уже давно не находил способа успокоить свой разум без помощи алкоголя.

Выбираясь из душа, я старался не видеть своего отражения. Большинство зеркал в доме были завешаны простынями. Я уже давно не заглядывал в зеркало, потому что всякий раз оттуда на меня смотрел Алекс.

2 Эмери

Что на завтрак?

Я рылась в шкафчиках в поисках еды, любой еды, чтобы накормить Риз. Вчера за ужином мы доели последние яйца с сосисками, а потом старательно выскребли банку с остатками арахисовой пасты, чтобы перекусить бутербродами за чтением библиотечной книжки.

Думай, Эмери, думай, думай.

Я выложила на столешницу пакет с хлебом и почти пустую банку виноградного желе.

От хлеба остался всего один ломтик и две горбушки. Риз наотрез отказывалась есть горбушку, сколько бы желе я на нее не намазала.

– Это не настоящий хлеб, мама, – снова и снова спорила она. – Это корки. Ими кормят уток на озере.

Все правильно, но этим утром выбора у нее не было. На моем счету осталось всего двенадцать долларов и сорок пять центов, а зарплату обещали только завтра. Львиную долю суммы придется отдать за аренду квартиры. Если экономно тратить оставшиеся деньги, то нам должно хватить на питание. На данный момент у нас не было пространства для маневра, поскольку меня уволили с должности повара в отеле.

Оставшись без работы, я устроилась на ночную подработку в забегаловку под названием «Семь». Излишне говорить, что моего жалованья катастрофически не хватало. К тому же я все еще ждала ответ с биржи труда по поводу пособия по безработице.

Я достала нож и постаралась срезать как можно больше корки с горбушки, чтобы придать ей вид обычного ломтика. Затем намазала хлеб виноградным желе.

– Риз, завтракать! – крикнула я.

Малышка выскочила из своей комнаты и подбежала к столу. Запрыгнув на стул, она сморщила носик и заворчала.

– Горбушка, мам! – недовольно указала она, абсолютно не впечатлившись моим изысканным блюдом.

– Прости, детка. – Я подошла ближе к Риз и взъерошила ее волнистые угольно-черные волосы. – На этой неделе дела идут туговато.

– Дела всегда идут туговато, – простонала она, откусила кусочек хлеба и положила остатки сэндвича на тарелку. – Мам?

– Что, милая?

– Мы нищие?

Вопрос гулко отдался в голове и ударил под дых.

– Что? Нет, конечно, нет, – ответила я, слегка шокированная ее словами. – С чего ты взяла?

– Ну, Миа Томас из лагеря сказала, что только нищие ходят за покупками в «Гудвилл»³. Мы ведь покупаем там одежду. К тому же Ренди всегда завтракает в «Макдоналдсе», а ты никогда не водила меня туда на завтрак. *И еще, еще, еще*, – взволнованно воскликнула она, готовясь предъявить самое главное доказательство нашей бедности, – ты дала мне горбушку!

Я улыбнулась ей, но мое сердце сжалось. С тех пор как пять лет назад Риз появилась на свет, оно разбивалось снова и снова. Потому что каждый день я чувствовала, что подвожу ее. Словно я не справляюсь, не даю ей ту жизнь, которую она заслуживает. Роль матери-одиночки оказалась самым тяжелым испытанием в моей жизни, но справедливости ради, выбирать мне не приходилось. Отец, очевидно, уже никогда не появится на горизонте, поэтому я научилась справляться самостоятельно.

Но хотя я усердно трудилась, чтобы свести концы с концами, в последнее время мне все чаще казалось, что я бьюсь как рыба об лед. Словно с каждой секундой я неизбежно приближаюсь к катастрофе.

Меня сводила с ума ситуация, в которой мы оказались. В баре, куда я недавно устроилась дела тоже шли неважно, а значит, и чаевые оставляли желать лучшего. Ни одно из собеседований, на которые я упорно ходила, так и не увенчалось успехом. Вдобавок, я просрочила арендную плату за квартиру и еще не сказала Риз, что не смогу внести следующий платеж за летний лагерь; следовательно, ей придется с ним попрощаться. Она так расстроится, ее сердечко будет разбито, как и мое. Интересно, понимают ли дети, что, разбивая их сердца, родители тоже чувствуют боль.

Не знаю, когда мы наконец сможем вздохнуть спокойно.

Я внимательно посмотрела на свою девочку, так похожую на меня. Без сомнений она унаследовала некоторые черты от отца, но к счастью я их не замечала. Я видела лишь чудесную, абсолютно идеальную, малышку.

А ее улыбка?

Она немного напоминала мою, но больше улыбку моей мамы. С красивой ямочкой на левой щеке.

Спасибо, Господи, за эту улыбку.

Помимо прочего от меня ей досталось плохое зрение. Вот почему на ее переносице красовались круглые очки в толстой оправе. Как же я любила это милое личико. Я не представляла своей жизни без моей девочки.

Да, мое сердце постоянно разбивалось вдребезги от того, что я чувствовала себя неудачницей. Но при виде улыбки Риз, раны затягивались. Она была причиной моего существования, земным ангелом, залечивающим своей любовью трещины на моем сердце.

Взъерошив и без того растрепанные темные волосы Риз, я мысленно сделала пометку наложить ей маску на волосы и уложить кудряшки. Однако на данный момент моей главной проблемой оставался сегодняшний ужин и то, что мы будем есть. Впрочем, это была моя личная забота, скрытая душевная борьба. Я не могла позволить ей коснуться Риз.

– Не стоит прислушиваться ко всему, что болтают в лагере, Риз.

– Включая мисс Монику, мисс Рейчел и мисс Кейт? – воскликнула девочка, крайне взволнованная тем, что почти получила разрешение игнорировать вожатых.

– Всех, *кроме* вожатых.

– Значит, – сказала Риз, приподняв бровь и снова взяв с тарелки сэндвич. – Мы не нищие?

³ Goodwill – крупная сеть секонд-хендов в США, известная очень низкими ценами на любые товары от одежды и аксессуаров до бытовой техники. Компания позиционирует себя как благотворительное общество, поскольку все реализуемые товары сдают в магазины обычные люди в качестве пожертвований малоимущим.

– Ну, давай посмотрим. У тебя есть кровать, чтобы спать?

Малышка медленно кивнула.

– Да.

– Дом, чтобы в нем жить?

– Угу-у.

– Машина, чтобы нас возить?

– Ага.

– И пусть даже сэндвич из горбушки, но у тебя всегда есть, чем перекусить?

– Да.

– А мама, которая тебя любит?

Риз застенчиво усмехнулась.

– Да.

– Значит, мы ни в коем случае не нищие. У нас есть одежда, крыша над головой, машина, на которой можно ездить, и любовь друг друга. Человек не может быть бедным, если у него есть любовь, – сказала я абсолютно искренне. Когда в моей жизни появилась Риз, я узнала, что истинное богатство – это ее любовь.

Ее любовь делала меня богаче. Благодаря ей я никогда не потеряю веры в завтрашний день.

Риз свела брови и строго посмотрела на меня.

– То есть слова Мии и Ренди не стоят выеденного яйца?

– Все верно, не стоят.

– М-м-м, яичница. Звучит аппетитно – Риз откусила сэндвич. – Приготовишь яичницу на ужин? – спросила она.

– Возможно, милая. Посмотрим.

Раздался стук в дверь. Я поспешила открыть и увидела приветливое знакомое лицо.

– Доброе утро, Эбигейл! – улыбнулась я нашей соседке из квартиры напротив. Мы дружили с Эбигейл Престон уже пять лет, с тех самых пор как переехали сюда. Ей было чуть за шестьдесят, она жила одна и для нас с Риз стала настоящим спасением. Когда мне приходилось работать в ночные смены, Эбигейл охотно присматривала за Риз. И никогда ничего не просила взамен. Однажды я попыталась ее отблагодарить, но она сказала, что доброта должна быть бескорытна.

– Твори добро ради самого добра, Эмери. Вот на чем держится мир – на хороших людях, совершающих хорошие поступки просто так.

Эбигейл оказалась не просто хорошим человеком, а замечательным.

К тому же она была психотерапевтом на пенсии, что очень пригодилось мне пять лет назад, когда я стала мамой. Эбигейл помогла мне справиться с тревогой и страхами, и все это совершенно бесплатно.

Как-то раз я спросила ее, почему она живет в нашем многоквартирном доме, ведь очевидно, что у нее есть возможность поселиться в более приятном месте. История, которую она мне поведала, растопила мое сердце. Оказалось, что когда-то она жила здесь со своим ныне покойным мужем. Много лет спустя, после его смерти Эбигейл искала новое жилье и наткнулась на объявление о сдаче в аренду их старой квартиры. Она поняла, что должна вернуться сюда.

Эбигейл утверждала, что это не просто квартира, это часть ее истории. И без этой части мы с Риз никогда не повстречались бы на ее пути. Хвала Господу за то, как порой судьба человека переплетается с судьбами других людей.

– Привет, дорогая! – Женщина одарила меня очаровательной улыбкой. Она была облачена в ярко-желтый наряд, а ее серебристые волосы собраны в высокий хвост. На шее болтались очки на цепочке. В руках Эбигейл держала коробку. – У меня остались пончики с ужина.

Мне так захотелось пончиков, что я купила целую дюжину, но так и не смогла съесть все сама, поэтому решила занести их вам. – Она открыла коробку, показывая сладкое угощение.

Эбигейл не догадывалась, но ее стук в дверь всегда приходился как нельзя кстати.

– Пончики! – крикнула Риз и поспешила к двери, чтобы забрать коробку с дарами из рук Эбигейл. Знаю, большинство людей не сочли бы коробку с пончиками чудом, но когда в холодильнике пусто, а до зарплаты еще несколько дней, коробка пончиков приравнивалась к дару небес.

Риз бросилась в гостиную и запрыгнула на диван. Я крикнула ей вслед:

– Что надо сказать, Риз?

– Спасибо, Эбигейл! – ответила она, уже набивая рот сладким лакомством.

– Съешь только один, Риз. Я не шучу.

Этих пончиков нам хватит, чтобы продержаться до завтрашнего вечера, когда пришлют мой чек.

Я снова повернулась к Эбигейл и прищурилась.

– Так сильно хотелось пончиков, что вся дюжина осталась в коробке.

Эбигейл лукаво улыбнулась.

– Наверное, продавец ошибся и положил пару лишних.

Ну, конечно.

Просто добрая женщина делает хорошие дела.

Я немного подвинулась и скрестила руки на груди.

– Спасибо, тебе. Ты не представляешь, как нам это было нужно.

Эбигейл слегка нахмурилась.

– Возможно, я все же догадывалась. – Она достала листок бумаги и протянула его мне. – Его по ошибке положили в мой почтовый ящик.

Я взяла сложенный лист и прочла уведомление.

Просрочена арендная плата.

Снова.

Я не платила за квартиру уже два месяца, поскольку потеряла работу, а потом Риз заболела. К счастью, Эд – управляющий нашим домом оказался настолько любезен, что некоторое время закрывал на это глаза. Но судя по формулировке письма, терпение Эда закончилось. Если честно, я его не винила. Он просто делал свою работу. Удивительно, что нас не выселили еще два месяца назад.

Я видела, как Эд велел жильцам паковать вещи за просрочку всего в пару недель. Он был жестким парнем, не лаял, а сразу кусал. Но не тогда, когда дело касалось меня и Риз. Я прекрасно понимала всю сложность ситуации и знала, что это не может длиться вечно. Нет чувства ужаснее, чем знать, ты кому-то должен. Мне не хотелось влезать в долги, тем более с Риз на руках. Тем не менее я была очень благодарна Эду за его великодушие. Он питал слабость к Риз, и не раз говорил, что я напоминаю его мать. Она тоже была матерью-одиночкой и, наверное, в Риз он видел себя.

Однако он не мог жалеть нас и дальше, а значит, мне нужно найти способ достать за два дня две тысячи долларов. Я получу чек лишь в пятницу, но большая часть денег все равно уйдет на аренду и у нас почти не останется на бензин и еду.

Я глубоко вздохнула и постаралась не сорваться. Мне казалось, я веду вечный бой. Стоило решить одну проблему, как тут же появлялась другая.

– Если тебе нужны деньги, Эмери... – начала Эбигейл, но я решительно покачала головой.

В прошлом я не раз брала у нее в долг, но не могла заставить себя сделать это снова. Нельзя все время полагаться на чью-то помощь. Я должна встать на ноги. И постараться научиться на них ходить.

– Все в порядке, правда. Я справлюсь. Как и всегда.

– Конечно, справишься. Но если тебе вдруг понадобится рука помощи, я всегда рядом.

В этот миг мое сердце сжалось, а затем забилося вновь. Слезы, с которыми я изо дня в день боролась, покатались по лицу. Я отвернулась от Эбигейл, стыдясь себя, стыдясь своих вечных проблем.

Но Эбигейл не позволила мне спрятаться. Покачав головой, она вытерла слезы с моих щек. А затем произнесла всего пять слов. Простых, но таких важных.

– Ты не слабая, ты сильная.

Ты не слабая, ты сильная.

Как? Как она поняла, что именно мне нужно было услышать?

– Спасибо, Эбигейл. Ты и правда святая.

– Я не святая, просто друг. И это напомнило мне, что я опаздываю к подруге на чашечку кофе. Хорошего вам дня! – Она развернулась и усакала прочь, как фея-крестная, которой для нас и была.

Я поспешила к Риз и забрала у нее из рук коробку. Девочка успела прикончить два с половиной пончика, странно, что не больше.

– Прости, ма. Я не могла остановиться. Они о-о-очень вкусные! Только попробуй.

Я улыбнулась и едва не поперхнулась слюной от восхитительного запаха. Но все равно решила воздержаться, чтобы Риз больше осталось на потом. Я давно поняла, что быть матерью, значит, говорить себе «нет», чтобы позже сказать своему ребенку «да».

– Я пока не хочу, детка. А теперь беги умываться, иначе мы опоздаем в лагерь.

Риз спрыгнула с дивана и помчалась в ванную приводить себя в порядок.

Оставшись в одиночестве, я снова перечитала уведомление. Мысли лихорадочно металась в голове, я пыталась придумать, как выкроить денег, чтобы оплатить аренду.

Не переживай, Эмери. Все наладится. Так всегда было и всегда будет.

В глубине души, я свято в это верила, поскольку верила в статистику, а она была на моей стороне. В самые трудные моменты жизни, когда казалось, что выхода не существует, я каким-то образом его находила, я выживала.

Наша нынешняя ситуация была далеко не самой худшей из тех, в которых мне доводилось бывать. Так что не стоило хандрить, время двигаться вперед. Тьма не сгустилась вокруг, просто небо нахмурилось.

Вскоре тучи рассеются, и вновь засияет солнце. Статистика никогда не врет. По крайней мере, я на это надеялась.

Кроме того, я находила утешение в знании, что на самом деле солнце никуда не уходило, оно всегда было на небе, просто пряталось за тучами. А пока небо хмурилось, меня спасала музыка. Кому-то очистить голову помогала йога или спорт. Кому-то прогулки и ведение дневника. Мне? Моим вдохновением стала музыка и песни. Музыка говорила со мной, трогала мою душу. Вслушиваясь в слова песен, я понимала, что мои чувства важны, я не одинока в своих страхах. Люди вокруг сталкиваются с теми же невзгодами, что и я.

Эта мысль утешала больше, чем я могла описать словами. Просто знание, что не только мне знаком вкус печали. И что счастье есть не только у меня. Где-то на другом конце света существовал прекрасный незнакомец, который слушал ту же песню, что и я, и тоже чувствовал грусть и счастье одновременно.

Позже, когда мы с Риз выходили из дома, я обнаружила на коврик у нашей двери бумажный пакет. Внутри оказались продукты и записка.

«Я подумала, вам захочется сыграть на неделе в „На куски“, шеф»⁴.

⁴ Американский реалити-сериал кулинарного телевизионного игрового шоу, созданный Майклом Крупатом, Дейвом Ноллом и Линдой Ли. Его ведет Тед Аллен. В сериале четыре шеф-повара соревнуются друг с другом за шанс выиграть 10 000

Записку, несомненно, оставила Эбигейл. Она не впервые оставляла у нашей двери пакет с хаотичным набором продуктов. «На куски» называлось телевизионное шоу, которое мы часто смотрели с Риз и Эбигейл. Идея заключалась в том, чтобы взять, казалось бы, случайные продукты и приготовить из них блюдо.

Эбигейл знала, что я мечтаю когда-нибудь стать поваром, и те небольшие пакеты с провизией, которые она оставляла под дверью, были призваны не только накормить нас физически, но и насытить мою душу. Я заглянула в пакет и увидела багет, небольшой кусок медовой ветчины, четыре сладкие картофелины и арахисовое масло.

Внутри лежала еще одна записка от психотерапевта Эбигейл:

«Просьба о помощи не делает тебя неудачником».

Вот так просто, сквозь тучи проглянуло солнце.

– Риз! Давай-ка поторопимся, – сказала я, бросив взгляд на часы, и быстро убрала ветчину в холодильник. Нет времени лить слезы благодарности. Сейчас главной задачей было доставить Риз в лагерь до девяти утра.

Каждое утро я включала в машине альбом Alex & Oliver. Но только один из первых. На мой взгляд, они были лучшими. В песнях чувствовалась искренность, ведь Голливуд еще не наложил на дуэт свои жадные до денег лапы. Алекс и Оливер Смит были настоящими гениями лирики. Жаль, что звукозаписывающий лейбл не позволил ребятам в полной мере продемонстрировать их талант. Их попросту превратили в стереотипных знаменитостей. Большинству поклонников группы новый материал пришелся по душе; но опять же, спрос на поп-музыку существовал всегда. Если бы его не было, не было бы и поп-музыки.

Но такие как я, подлинные фанаты? Мы заметили перемену. Я бы не удивилась, если бы вскоре Оливера пригласили ведущим на какой-нибудь музыкальный телеконкурс.

Мне не слишком понравилось их новое звучание, но с первыми двумя альбомами я чувствовала особую связь. Они словно рассказывали о самых ранних главах моей жизни.

Песня Faulty Wires стала саундтреком моей юности, она так много для меня значила. Печально, что после недавних трагических событий мы больше никогда не услышим новые, подлинные творения дуэта. Я затаила дыхание в надежде, что Оливер вернется к творчеству. Но судя по заголовкам газет, Оливер катился по наклонной, не имея ни малейшего желания возвращаться к жизни.

Недавно я прочла, что он не выходил из дома уже шесть месяцев и превратился в настоящего затворника.

И я его не винила.

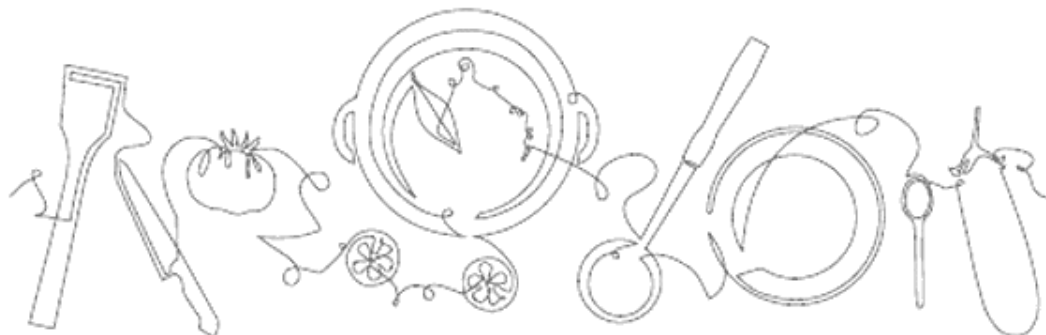
Я бы тоже впала в депрессию.

В машине играли Alex & Oliver, и Риз подпевала словам, которые пока еще не понимала. Словам о первой любви, надежде и страхах. Стихи о борьбе и триумфе. Поэзия истины.

Я тоже подпевала, и как любая девушка в мире, представляла, что Оливер писал эти слова для меня одной.

3 Эмери

Я потратила день на поиск работы. Потом забрала Риз из лагеря, накормила ее ужином и отвела к Эбигейл, чтобы отправиться на ночную смену в «Семь». По большому счету это заведение было забегаловкой. Можно было с легкостью пройти мимо и не заметить, что он открыт. Тем не менее люди все равно как-то его находили.

Я не раз советовала Джоуи – владельцу бара – потратиться на освещение у входа и вывеску, но он лишь отмахивался, заявляя, что дела в баре и так в порядке. Он был прав, но ведь могло быть гораздо лучше.

В тот вечер посетителей собралось немного. В дальней кабинке, ссутулив плечи и крепко сжав в руке стакан, сидел парень в бейсболке и кожаной куртке. У барной стойки расположилась молодая парочка, с виду лет двадцати двух. Очевидно, это было их первое или второе свидание. И, похоже, последнее, судя по их неловкому общению.

Еще один посетитель устроился в углу бара. Старина Роб, местный завсегдатай.

Готова поклясться, что Роб восседал на одном и том же барном стуле с первого дня открытия «Семь». Он всегда пил кофе, который приносил с собой, и виски, который наливали ему мы. Роб разгадывал кроссворды в газете или читал новости, и, в общем-то, был молчуном.

Мне нравился Роб, то, как он держался особняком и никогда не совал нос в чужие дела.

– Здесь сегодня оживленно, – сказал Джоуи, встретив меня за барной стойкой. Он закончил свою смену и кивнул мне в знак приветствия. – Думаешь, справишься с этой неуправляемой толпой?

Я фыркнула.

– Сделаю все, что в моих силах. – Обычно по вторникам в баре было затишье. Хороших чаевых не заработаешь, но я решила, что это лучше, чем ничего. В среднем в такие вечера в бар заходило человек двадцать или тридцать. И если везло, они оставляли, по меньшей мере, пятьдесят долларов чаевых.

– Кстати, сегодня большой концерт на арене. Так что после шоу у нас и правда может стать оживленно.

– Концерт? Кто выступает? – спросила я. Обычно я старалась следить за программой концертов, поскольку в дни шоу народу в баре прибавлялось. Но об этом мероприятии я ничего не слышала.

Джоуи пожал плечами.

– Не знаю, какие-то Оливер и Адам, или Адам и Оливер, или как их там.

– Алекс и Оливер? – ошеломленно выдохнула я.

– Да, они. Наверное, один из братьев. Я слышал по радио, что второй погиб в этом году. Печально.

Не может быть. Alex & Oliver – моя любимая группа. Их музыка – неотъемлемая часть моего детства. Не хочу показаться чокнутой фанаткой, но я и моя младшая сестра, Сэмми, обожали Alex & Oliver задолго до того, как они обрели славу. Даже Риз успела выучить слова всех их песен. После смерти Алекса я проплакала три дня, слушая их альбомы на повторе.

Наверное, с моей стороны было глупо рыдать три дня о человеке, с которым даже не знакома, но в глубине души я чувствовала, что знаю его через его музыку.

Как пройдет сегодня концерт? Как Оливер собирается выступить без брата?

Джоуи, казалось, вовсе не беспокоила важность сегодняшнего вечера для Оливера Смита.

– Ладно, я пойду. Хорошего вечера.

– И тебе, Джоуи.

Проводив его, я вытерла барную стойку и прислушалась к волшебным звукам, улаждающим уши тысяч людей, которые, как и я слушали один и тот же диск, вечность играющий на повторе в баре Джоуи. Единственная надежда сменить музыку – дожидаться посетителя, желающего потратить доллар, опустив его в музыкальный автомат. Обычно этим занимались пьяные студенты, сорящие однодолларовыми купюрами, словно сотенными.

Мне не давал покоя вопрос, какой песней Оливер откроет концерт.

И какой закончит.

Интересно, страшно ли ему выходить на сцену после случившейся полгода назад трагедии. Если бы я оказалась на его месте, то впала бы в такую глубокую депрессию, что, наверное, уже никогда бы не вернулась к выступлениям.

Но голос Оливера... он стоил того, чтобы быть услышанным. У каждого фаната всегда есть любимчик в группе. Сэмми любила Алекса. А я? Я обожала Оливера. Большинство людей считали его менее интересным из двух братьев, но я думала иначе. Алекс, несомненно, был сердцем дуэта, но Оливер был его душой. О том, как он умел передавать эмоции голосом, большинство исполнителей могли только мечтать. Его талант казался почти неземным.

Я должна быть сегодня там, слышать его, видеть, как он раскрывает свое сердце. Подпевать его текстам вместе с многотысячным залом.

– Еще один, – пробормотал парень в бейсболке из глубины зала и, помахал в воздухе рукой с поднятым вверх пальцем. Он даже не взглянул в мою сторону, и я не поняла, что именно он просит. Наверное, ему показалось, что я иду к нему слишком долго, потому что он снова поднял руку и крикнул: – Еще один!

На секунду я задумалась, не диджей ли это Халед⁵ расположился в дальнем углу бара. Того и гляди закричит: «Мы лучшие!»⁶, и начнет рассказывать всем вокруг, что он отец Асада⁷.

Обычно я бы проигнорировала его окрик и попросила подойти к стойке, как делают все клиенты, желающие купить выпивку. Но в этот вечер посетителей почти не было, и я радовалась любой возможности себя занять, лишь бы время не стояло на месте.

Я подошла к парню, но он не поднял головы.

– Привет. Прости, я только заступила на смену и не знаю какой напиток ты пил.

По-прежнему не глядя на меня, парень подтолкнул ко мне пустой стакан.

– Еще один.

Ладно, Халед, еще один чего?

⁵ DJ Khaled – американский диджей, звукорежиссер, продюсер и рэпер.

⁶ We the best – второй студийный альбом DJ Khaled.

⁷ Father of Asahd (Отец Асада) – одиннадцатый студийный альбом американского хип-хоп продюсера DJ Khaled, названный в честь его старшего сына Асада Так Халеда.

– Мне жаль... – начала я, но меня перебили.

– Виски, – прошипел он низким хриплым голосом. – Только не дешевое пойло.

Я взяла стакан, подошла к бару и налила ему порцию нашего лучшего виски, которое, впрочем, мало отличалось от любого другого. Определенно не тот напиток, ради которого диджей Халед прокричал бы: «Еще один!», но это все, что я могла ему предложить.

Я вернулась к столику и поставила перед парнем стакан.

– Вот, держи.

Он что-то пробормотал в ответ. С уверенностью могу сказать, что не «спасибо». Затем поднял стакан, залпом выпил и снова протянул его мне. Я внутренне сжалась от его грубости.

– Еще один, – пробормотал он.

– Прощу прощения, сэр. Но мне кажется, что вам на сегодня хватит.

– Я сам решу, когда мне хватит. Просто принеси сюда эту чертову бутылку, если тебе не хватает сноровки, чтобы выполнять свою работу и наливать виски в стакан.

Вау.

Только этого мне сегодня не хватало: здорового пьяного засранца.

– Извини, но я вынуждена попросить...

В этот момент в бар ввалилась большая шумная толпа. Компания молодежи, на вид не старше тридцати, раздетая, словно на фестиваль Коачелла⁸, и заполнила зал. Буквально за пару секунд в бар вошло, по меньшей мере, двадцать пять человек.

Шум и гомон продолжал нарастать, пока не стало очевидно, что люди раздражены до предела. Я выглянула в окно, и мне показалось, что для этого времени на улице слишком людно. Обычно такая картина наблюдалась после окончания концерта или игры, но сейчас была только половина девятого. Слишком рано для ночных гуляк.

– Просто не верится. Я заплатил больше четырехсот баксов за билеты! – прокричал один из вошедших.

– Что за дерьмо. В голове не укладывается, что он не появился, – рявкнул другой. – Надеюсь, мне вернут деньги.

– Оливер Смит – полный отстой. Поверить не могу, что ты уговорил меня пойти на это дурацкое шоу.

При этих словах, мужчина вскинул голову, и я поймала его взгляд. На меня смотрели те самые глаза цвета карамели, которыми я была одержима в юности. Услышав собственное имя, Оливер распахнул глаза шире, в них промелькнула паника. Затем он еще сильнее сгорбился, глубже натянул бейсболку и потер пальцами переносицу.

Я застыла на месте.

Народ продолжал прибывать в бар, а меня словно приклеили суперклеем к полу.

– Хватит пялиться, – прошипел он, его голос зазвучал отчетливей. Этот глубокий чарующий тембр, который я снова и снова слышала в его песнях. Пьяный в стельку Оливер Смит сидел в моем баре в окружении толпы разгневанных зрителей, не попавших на его концерт и не подозревающих, что он скрывается среди них.

– Я... я прошу прощения. Я... только... – Я заикалась как сумасшедшая. Срань господня. Мне не раз такое снилось. Снилось, что я совершенно случайно встречаю своего кумира, изливаю ему сердце и душу за бокалом горячительного. Потом, мы, разумеется, влюбляемся друг в друга до безумия, и он посвящает мне песню, которую много лет спустя будут слушать наши правнуки.

Сейчас все было несколько иначе.

Реальность мало напоминала мой идеальный сон.

⁸ Фестиваль музыки и искусств в долине Коачелла (англ. Coachella Valley Music and Arts Festival), также известный как Коачелла-фест или просто Коачелла.

Оливер оказался не слишком дружелюбным.

И еще, не знаю, грустным?

Люди, напивающиеся до такого состояния в одиночестве, как правило, грустили. И я его не винила. Я бы, наверное, утопала в печали, если бы мне пришлось пройти через то, через что прошел он, тем более на глазах у всего мира. Я видела комментарии в интернете, которые после смерти Алекса люди писали об Оливере. Читая такое, жить точно не захочется. Я не сомневалась, что Оливер винил себя в случившемся, и последнее в чем он нуждался, чтобы вдобавок его порицал весь мир.

– Прости, я могу... могу чем-то помочь? – спросила я дрожащим голосом.

Он еще больше сгорбился, словно на его плечи давила непомерная тяжесть и подтолкнул ко мне пустой бокал.

– Да, точно. Еще один. Я мигом.

Я поспешила к бару и, схватив бутылку виски, отнесла ее к столику. Затем наполнила его бокал и поставила бутылку рядом.

– Готово.

Он ничего не ответил, и я неловко топталась, таращась, как дурочка.

И только когда он поднял на меня взгляд, озадаченно приподняв бровь, я попятилась.

– Да, конечно. Ладно.

Вернувшись за барную стойку, все еще нервничая и волнуясь, я принялась обслуживать новоприбывших клиентов. Народу было столько, что я едва справлялась. Клянусь, я бы убила за то, чтобы сейчас появился Джоуи и помог мне. С другой стороны, я трудилась не покладая рук, мысленно подсчитывая чаевые. К тому же в пятидесяти футах от меня сидел Оливер чертов Смит. Пьяный, грустный, но по-прежнему идеальный.

Моя внутренняя фанатка хотела задать ему миллион вопросов о его песнях, о том, что побудило написать ту или иную из них. Но я держала себя в руках. Не хватало еще устроить сцену.

Тем временем вечер продолжался, и люди все чаще стали опускать доллары в музыкальный автомат. И хотя было приятно сменить в зале музыку, мне бы хотелось, чтобы публика не имела такого ужасного пристрастия к попсе.

Каждый раз, бросая взгляд на столик Оливера, я замечала, что его бутылка виски постепенно пустеет.

Что с ним случилось этим вечером? Как он оказался в «Семь»?

Народ продолжал нести всякую чушь об Alex & Oliver. В основном об Оливере. Я не представляла, каково это – сидеть среди толпы и слушать их оскорбления. На его месте я бы уже сорвалась... ну, или заплакала. Чем больше Оливер пил, тем напряженнее он становился. Даже спустя несколько часов люди продолжали упоминать его имя.

Словно им больше не о чем было поговорить, кроме как о суперзвезде, которая упала и разбилась.

– Если честно, меня бесит, что умер Алекс, а не Оливер, – высказался крупный широкоплечий мужчина, поднимая шот. – Алекс был гораздо круче. Мне всегда казалось, что Оливер какой-то странный. И вообще, их музыка полная фигня.

– Как будто ты хоть что-то смыслишь в хорошей музыке! – рявкнул Оливер и опрокинул в себя остаток виски в бокале.

Здоровяк повернул голову в сторону Оливера.

– Что ты сказал?

– Я сказал, – Оливер слегка пошатываясь встал, расправил плечи, снял с головы бейсболку и вытер рукой рот, – что ты ни черта не понимаешь в хорошей музыке. Последние два часа ты выбирал в автомате одни и те же заезженные попсовые треки.

Ох, божечки. Добром это не кончится.

Зал мгновенно взорвался криком, стоило собравшимся понять, что пьяница за дальним столиком и есть тот самый Оливер Смит, которого они поливали грязью последние два часа.

– Я с-с-серьезно, – невнятно пробормотал Оливер, затем поднес бутылку виски ко рту и сделал длинный глоток. Он подошел к Здоровяку, который был шире него, по меньшей мере, вдвое и ткнул его пальцем в грудь. – Меня у-у-уже тошнит слушать это дерьмо.

Оливер едва держался на ногах, поэтому я занервничала, когда он подошел к громиле. Этот чувак выглядел как чертова скала. Его тело словно состояло из сплошных мышц, которые, похоже, все еще продолжали расти. Парень был настоящим гигантом, и будь Оливер хоть чуточку трезвее, никогда не стал бы с ним связываться.

Люди вокруг начали снимать происходящее на камеры мобильных телефонов. Я поспешила выйти из-за барной стойки, понимая, что ситуация вот-вот примет серьезный оборот.

– Тебя тошнит? Это меня от тебя тошнит, придурок! – Здоровяк толкнул Оливера, и тот, спотыкаясь, отлетел назад; он не растянулся на полу только потому, что его падение остановил стол. – Думаешь, ты такой крутой, да? Считаешь, раз ты богатый и знаменитый, то можешь поиметь нас всех, потратив наше время и деньги? – прошипел он Оливеру.

Оливер поднялся на ноги и потряс головой, словно пытаясь прояснить зрение. Однако учитывая количество алкоголя циркулирующего в его крови, я сомневалась, что мотание головой чем-то ему поможет.

– Мне, – он толкнул Здоровяка, – не нравится, – снова толчок, – когда меня толкают, – положив обе ладони на грудь парня, Оливер изо всех сил попытался сдвинуть его с места, но потерпел поражение. – Боже, из чего ты сделан? Из стали?

– Из мышц, придурок.

– Ох. Вот черт. В драке мне тебя не одолеть, – заключил Оливер, чем несказанно меня обрадовал. Не представляю, как бы я объясняла Джоуи, что в его баре схлестнулись в рукопашную суперзвезда и человек-скала.

Слава богу, Оливер отступил, осознав, что не стоит связываться.

Или мне только показалось.

Оливер кивнул в сторону девушки громилы, и на его губах появилась ухмылка.

– Может, ты и сильнее меня, но держу пари, я бы оттрахал твою девушку куда качественнее, чем ты.

Моя челюсть упала на пол.

Казалось, девушка должна была оскорбиться его комментарием, но клянусь, я заметила легкую усмешку на ее губах. Готова спорить, в мире найдется не так много женщин, которые не побросали бы своих парней и мужей, ради ночи в постели Оливера. Несмотря на то что он был более тихим и замкнутым по сравнению с братом, он все еще оставался Оливером Смитом. Слова «красивый» было недостаточно, чтобы его описать. Он был необычайно привлекателен, а благодаря своим мягким манерам, казался еще притягательнее.

Но в таком пьяном и неряшливом виде как сейчас? Уже не настолько притягателен.

– Честно говоря, – сказал Оливер в своей самоуверенной манере и подмигнул девушке, – держу пари, она отлично...

Оливер не успел произнести больше ни слова, кулак Здоровяка обрушился на его лицо. Суперзвезда рухнул на пол как подкошенный.

Оливера окружила кричащая толпа. Люди продолжали совать ему в лицо камеры своих телефонов, пока он безуспешно пытался подняться на ноги.

– Так, ладно! Достаточно! Бар закрыт! Все на выход! – закричала я, но меня мало кто послушал. Пришлось приложить физическую силу и начать отталкивать народ к выходу. Вскоре бар опустел, и я взглянула на Оливера. Того самого Оливера Смита. Мужчину моей мечты. Моего кумира, который сейчас лежал на полу пьяный, потрясенный и обескураженный, как потерявшийся щенок.

Папарацци довольно быстро выяснили, что Оливер Смит сегодня вечером замечен в «Семь». И теперь они осадили бар снаружи, барабанив в дверь.

Похоже, в ближайшее время расхотеться они не планировали.

Прекрасно.

– Давай я тебе помогу, – сказала я, и заправив волосы за уши, подошла к Оливеру, который пытался подняться самостоятельно. Его левый глаз уже окрасился в насыщенный черный цвет с пурпурными оттенками под нижним веком. Одного удара здоровяка оказалось достаточно, чтобы здорово его потрепать. Выглядел так, словно его били снова и снова, пока лицо не превратилось в месиво. И все же понадобился лишь один аккуратный удар, чтобы отправить звезду в нокаут.

– Нет, – пробормотал Оливер, отмахиваясь от меня. Впрочем, не слишком рьяно. Я подтащила его к столику, где он снова обмяк на полу. Папарацци между тем облепили окна, безостановочно щелкая чертовыми камерами, как обезумевшие маньяки.

Я понятия не имела, как знаменитости со всем этим справлялись. Слава казалась мне скорее проклятием, чем благословением.

– Еще один, – пробормотал Оливер, поднимая палец вверх.

– Ага, конечно, – пробормотала я, и, подойдя к барной стойке, налила полный стакан воды. Я вернулась к столику и присела с краю. – Вот, держи.

Оливер не сел, потому что, давайте начистоту, был не в состоянии. Однако он позволил мне вложить стакан в его ладонь и поднес его ко рту. Едва пригубив воду, Оливер фыркнул и выплеснул содержимое стакана прямо на меня.

– Боже! – прошипела я, вскакивая на ноги в промокшей одежде. – Какого черта?

– Я просил в-виски, – заикаясь, произнес он.

Моим первым желанием было вытолкать его на улицу к поджидающим у входа гиенам. Хотелось избавиться от него и приступить к уборке бара, притворившись, что нынешний вечер не принял самый неожиданный оборот из всех возможных.

Но я все понимала. За время работы в баре я узнала, что грусть, смешанная с алкоголем – мощная комбинация. Сочетание двух этих факторов побуждало людей совершать поступки, на которые они никогда бы не пошли в трезвом состоянии. Я знала, что если отдам Оливера монстрам снаружи, они окончательно его уничтожат. Разорвут на части ту маленькую частицу его души, которая все еще оставалась нетронутой, и будут упиваться его страданиями.

Я подошла к окнам и закрыла все жалюзи, чтобы стоя на улице перестала щелкать камерами, запечатлевая срыв Оливера. Я знала, каково это – переживать трудности, но не представляла, как можно их преодолеть с мелькающими перед глазами вспышками фотокамер.

– Ладно, а теперь вставай, – сказала я, и попыталась рывком поднять Оливера с пола. Парень ворчал, но не слишком сопротивлялся, пока я ставила его на ноги. Он привалился ко мне, словно на его плечах лежала вся тяжесть мира. Я осторожно повела его к черному ходу, предназначенному только для сотрудников. Открыла дверцу своей машины и усадила Оливера на пассажирское сиденье, где он сразу свернулся калачиком. И отключился.

Я побежала обратно в бар, заперла двери и вернулась к машине. Села за руль и завела двигатель. Прежде чем тронуться с места, я потянулась через Оливера, чтобы пристегнуть его ремнем безопасности, потому что, клянусь богом, не хотела угробить суперзвезду на своей «Хонде Цивик» 2007 года.

– Не трогай, если не собираешься отсосать, – пробормотал Оливер, когда я протягивала ремень над его бедрами.

Боже правый.

Возможно, когда-то в прошлой жизни это заявление Оливера привело бы меня в восторг. Сейчас же мне захотелось привести его в чувство, потому что этой ночью он явно был не в себе.

– Не волнуйся. Никто тебя не трогает, – ответила я, но он толком не очнулся, и поэтому меня не слышал.

Как только я тронулась с места, Оливер повернул ко мне голову.

Он прищурился, пытаюсь сфокусировать взгляд, перед которым сейчас, наверняка, покачивались три версии меня. Затем он замер. Разомкнул губы и хрипло произнес лишь одно слово.

– Виски? – пробормотал он.

Я опешила.

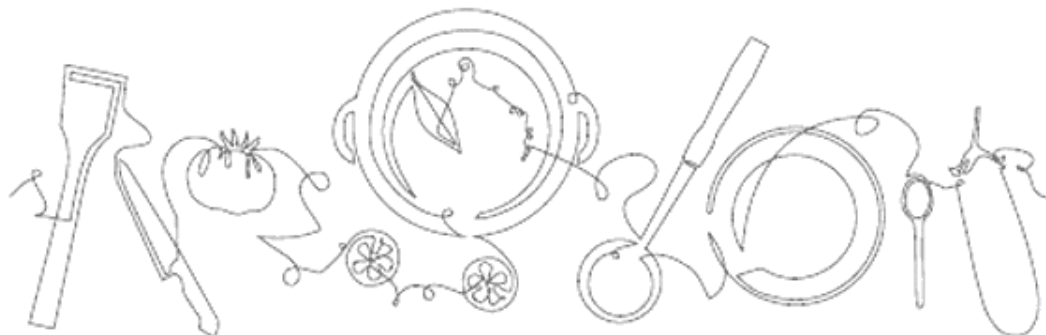
И невольно надавила ногой на тормоз, не сводя глаз с Оливера, смотревшего на меня взглядом человека абсолютно оторванного от реальности.

Он просил виски? Даже в таком состоянии?

Оливер снова открыл рот, но не произнес ни слова, поскольку наклонился вперед и, видимо, решил, что рвота на приборную панель моего автомобиля скажет за него.

4 Эмери

– Давай же, Оливер. Еще пару дюймов, – пробормотала я, затаскивая полубессознательное тело по лестнице моего дома. У меня не осталось другого выхода, кроме как привести звезду к себе в квартиру. Я пыталась выяснить, где он живет, но Оливер и двух слов связать не мог. Он только бормотал и пускал слюни. Тогда я взяла его телефон, чтобы поискать в контактах кого-нибудь, кто смог бы мне помочь. Телефон оказался разряженным, а подходящей к нему зарядки у меня не было. Так что я сделала единственное, что пришло мне в голову, – привезла его к нам домой. Вытащить его из машины оказалось нелегкой задачей, но подъем по лестнице превратился в сущий кошмар.

– Все мои дюймы твои, – промямлил он в ответ.

Представляю, в какой ужас пришел бы застенчивый, немногословный Оливер, узнав, что он сегодня болтал.

Я крепко обхватила его руками, пытаюсь удержать. Он икал и продолжал бормотать какую-то чушь себе под нос. И честно говоря, мне было плевать, что он там лопочет. Я мечтала лишь дотащить его до дивана, где он сможет вырубиться, а затем пойти в свою спальню, и тоже лечь спать.

По дороге домой я позвонила Эбигейл и попросила оставить Риз у нее на ночь. Обычно, когда работала ночную смену, я открывала дверь квартиры Эбигейл ключом, который она мне дала, подхватывала спящую Риз и относила ее домой. Но сегодня я решила, что лучше держать ребенка подальше от пьяной знаменитости.

Наконец мы вошли в здание и доковыляли до лифта. Как только Оливер зашел в кабину, он прислонился к перилам и, не открывая глаз, запел одну из песен Alex & Oliver.

Он был пьян, но его голос все равно звучал идеально. Это мало напоминало концерт моей мечты, и от Оливера определенно воняло, но он пел, а значит, я не собиралась жаловаться.

Я невольно подумала о своей сестре Сэмми. Понравилась бы ей такая встреча с кумиром? Она бы разозлилась или была бы сражена наповал пьяным Оливером? А может, спела бы вместе с ним.

Мы зашли в квартиру, и я отпустила Оливера. Шатаясь из стороны в сторону, он наткнулся на стол и опрокинул лампу. Я едва успела подхватить ее, чтобы она не разбилась вдребезги.

– Хорошо, – пробормотал Оливер, словно отвечая на чей-то вопрос.

– Ты о чем? – озадаченно спросила я.

– Ванная, – ответил он, раскачиваясь взад-вперед.

– Да, конечно. Она там... – начала я, махнув рукой в сторону ванной, и резко замолчала, услышав за спиной журчание. Я обернулась со скоростью света и обнаружила Оливера, моего кумира, знаменитость, писающего в цветочный горшок.

– Что ты делаешь?

– Растения любят воду, – промямлил парень.

Задохнувшись от шока, я уставилась на него. Как оказалось, даже в нетрезвом состоянии Оливеру Смиту не пристало жаловаться на размер. Мои щеки вспыхнули огнем.

Я отвела взгляд, пытаюсь справиться с неловкостью ситуации.

– Ну, наверное, пора уложить тебя спать. Можешь завалиться на диван, если... – Я взглянула на Оливера и опять удивленно вытаращила глаза. Теперь он демонстрировал мне не только нижнюю половину тела. Он снял футболку, обнажив кубики накачанного пресса. По-видимому, даже виски не смогло его от них избавить.

Каким-то образом, Оливеру удалось выскользнуть из штанов и боксеров, так что теперь он гордо стоял передо мной посреди гостиной. Уперев руки в бедра, словно супермен с голой задницей, и покачиваясь из стороны в сторону.

Именно так я и представляла себе нашу первую ночь наедине – Оливер в образе пьяного, голого супергероя.

– Что ты творишь? – ахнула я, стараясь не смотреть на его пенис, но все равно немного подглядывая.

– Давай сделаем это, – икнул он и вытер губы рукой, которой только что держал член.

– Сделаем что?

– Займемся сексом.

Сексом?

Он действительно сказал «сексом».

– Что? Нет. Никакого секса, Оливер. Оденься.

– Тогда почему ты голая в моей спальне, если мы не собираемся заниматься сексом? – спросил он, снова икнув, и указал на меня пальцем.

– Э-э, что?

Я невольно опустила взгляд и посмотрела на свое тело, чтобы убедиться, что я по-прежнему полностью одета и случайно не стащила с себя трусики при виде кумира.

Очевидно, он перебрал настолько, что вообще не понимал, что говорит. Я представила, как стыдно ему будет утром, конечно, если он хоть что-то вспомнит.

Я поморщилась от неловкости происходящего.

– Оливер, пожалуйста, оденься.

– Сначала ты оденься, – возразил он.

Я обвела взглядом свою квартиру, чувствуя себя участницей шоу «Розыгрыш». Или, может, я впала в кому, и все это не больше, чем шутка моего разума.

В любом случае, Оливер должен был одеться, потому что, чем дольше он оставался голым, тем более неудобной становилась ситуация. Однако парень был полон решимости разгуливать голышом, пока не оденусь я.

Поэтому, я как последняя чудачка начала изображать, что натягиваю на себя невидимую одежду.

– Все, я одета, – заявила я, положив руки на бедра.

– Тогда, я пошел спать, – Оливер собрал свои вещи с пола и направился в спальню Риз. Я не успела его остановить, Оливер растянулся на односпальной кровати моей дочери.

Смотрите и любуйтесь, друзья. Мой прекрасный голозадый принц вырубился на простынях с диснеевскими принцессами в кровати моей дочери.

Ох, ну что за зрелище. Должна заметить, его задница выглядела просто потрясающе.

Прикрыв дверь в детскую, я отправилась на кухню за бутылкой дешевого вина, которую хранила в шкафчике на всякий случай.

После сегодняшних приключений я заслужила стаканчик.

А может, и всю бутылку.

5 Оливер

Черт, черт, черт.

Я проснулся с сильнейшей головной болью и совершенно не помнил, что произошло минувшей ночью, почему так стучит в голове. Я застонал, чувствуя, как что-то тычется мне в левый бок.

С губ снова сорвался стон, когда я попытался приподняться на локтях. Голова словно собиралась расколоться напополам от любого движения, поэтому я снова лег. Почему так сильно болит лицо?

– Эй, мистер, вы умерли? – раздался голосок.

Тоненький, детский голосок.

Откуда в моем доме дети? Я открыл глаза и увидел хрупкую фигурку. Рядом с кроватью стояла маленькая девочка и тыкала куклой Барби мне в бок.

– Что ты делаешь? – пробормотал я и махнул рукой, чтобы она прекратила пытку куклой. – Где я, черт возьми?

Девочка изумленно открыла рот.

– Ты должен четвертак в банку для ругательств!

– О чем ты, черт возьми?

– Два четвертака! – воскликнула она и отступила немного назад. – Привет, мистер. Вы мертвый?

Учитывая мое самочувствие, существовала большая вероятность, что прошлой ночью я все же умер. Правда, пока еще не решил в ад я попал или в рай.

– Если бы я умер, мы бы сейчас разговаривали?

– Не знаю, возможно. Я никогда раньше не разговаривала с мертвецом.

– Мы же не в фильме «Шестое чувство»? Я что, похож на Брюса Уиллиса? – застонал я, уцепив себя за переносицу. Как только я коснулся лица, голову пронзил новый приступ боли. У меня и раньше случалось похмелье, но никогда еще на утро мне не было настолько больно.

– Я не знаю, что это, – заметил ребенок.

– Похоже, да. Я умер.

Девочка ахнула и закричала:

– Мама! В моей постели мертвец!

Я вновь открыл глаза и огляделся. Почему я в детской спальне? Что случилось прошлой ночью? Что происходит? Кому придет в голову положить незнакомца спать в кровать своего ребенка?

Внезапно ко мне начали возвращаться воспоминания. Вчерашнее выступление... от которого я отказался. Я отменил шоу в последний момент и забрел в какой-то захудалый бар, чтобы выпить. Дальше все было как в тумане, включая причину, по которой я проснулся в детской кровати.

– Риз! Что ты здесь делаешь? Я велела тебе держаться подальше от спальни, – прошептала девушка, входя в комнату. Она взяла девочку за плечи и повела ее к двери. Ребенок продолжал жаловаться.

– Но, мама! В моей постели мертвец!

– Он не умер! – возразила девушка, затем взглянула на меня, приподняв бровь. – Ты ведь не умер, верно?

Я слегка покачал головой.

– Ну и слава богу. Я бы не вынесла груз такой ответственности. – Она вздохнула с облегчением. – Видишь, Риз? Он жив. А теперь марш чистить зубы. Не хочу, чтобы мы опоздали в лагерь.

Девочка с жалобным возгласом удалилась. Несколько секунд спустя в дверях появилась ее мать со стаканом воды и тарелкой. На тарелке лежал пончик и пузырек обезболивающего.

Я с трудом принял сидячее положение и вцепился пальцами в край двуспального матраса. Провел тыльной стороной ладони по губам и посмотрел на девушку. Она была сногшибательна. Настоящая красавица.

Темные выющиеся прядки волос, выбившиеся из небрежно собранного пышного пучка, обрамляли лицо с широко распахнутыми, как у лани глазами. Гладкая коричневая кожа девушки, казалось, светилась изнутри. Ее наряд состоял из просторной футболки с концерта Элтона Джона, штанов для йоги и разнопарных носков. Похоже, этой ночью ей не удалось как следует выспаться, поэтому под ее глазами залегли темные тени.

Ее карие глаза были прекрасны, не уступали им по красоте и полные губы. Жаль, что я не помнил, как эти губы прижимались к моим.

И все же. Я надеялся, что не переспал с ней. Наши отношения с Кэм не отличались глубиной, но я не хотел становиться предателем. Даже если она не раз меня бросала. Мне это было несвойственно. По крайней мере, на трезвую голову.

– Вот, держи. Решила, тебе это понадобится, – сказала она, протягивая мне тарелку и воду. – К сожалению, не могу предложить кофе, у нас все закончилось.

Я, не раздумывая, закинул таблетки в рот и проглотил.

Затем прочистил горло.

– Что произошло ночью? – хрипло выдавил я, в горле пересохло.

Женщина приподняла бровь.

– Ты ничего не помнишь?

– Нет, у меня нет ни единой зацепки, кроме того, что мое лицо, похоже, превратилось в месиво. Прости... э-э-э... забыл, как тебя зовут.

– Нет. Не забыл, – ответила она и подошла к столу дочери, чтобы взять ручное зеркальце с диснеевскими принцессами. – Мы не познакомились. – Девушка протянула мне зеркало, но я отрицательно покачал головой.

– Не надо, – пробормотал я, не желая видеть свое отражение. Я полгода не смотрелся в зеркало. И не собирался начинать сейчас. – Поверю тебе на слово. Так... что все-таки произошло?

– Ну, ты вчера немного напился. Вокруг собралась толпа. Ты подрался с великаном. И проиграл. Что объясняет... – Она указала на мое лицо. – Кстати, может, приложить лед к глазу? У меня есть пакет, могу принести, если нужно...

Я покачал головой.

– Мой телефон у тебя?

Она подошла к комоду, достала телефон и протянула его мне.

– Он разрядился. Вчера я пыталась его включить и позвонить кому-нибудь, чтобы тебя забрали, но он уже вырубился.

– У тебя нет зарядки?

– Нет. У меня айфон, а не андроид.

Ну, конечно, нет. Это не ее промах. Я попал в такую ситуацию, потому что веду себя как идиот. Готов поспорить, у моих менеджера и пиарщика случился нервный срыв.

Я помассировал виски, надеясь, что лекарство вскоре подействует.

– Слушай, насчет прошлой ночи и, ну, нас... – Я посмотрел на девушку, но не заметил в ее взгляде понимания. – Мы...

Она озадаченно кивнула.

– Что мы?

– Ты знаешь.

– Что знаю?

– Ты знаешь, – настаивал я. – Мы занимались сексом?

– Что? Нет! Конечно, нет! – вскрикнула она шепотом и прикрыла дверь спальни, чтобы наш разговор не услышала дочь. Она так искренне разволновалась, что я почувствовал себя полным придурком.

– Ничего не было?

– Поверь, ты был не в лучшей форме. Я бы никогда не воспользовалась человеком в таком состоянии. К тому же меня больше заботило, как заставить тебя перестать мочиться в цветочный горшок.

Я помочился в цветочный горшок? *Оливер, ты просто пьяный идиот.*

– Если мы не переспали, тогда почему я у тебя дома?

– Как я и говорила, ты напился в баре, где я работаю. Появились папарацци, начали снимать. Потом ты стал умничать и Невероятный Халк надрал тебе задницу. Я была твоим единственным шансом на спасение, поэтому вытащила тебя оттуда.

– Я умничал?

– Ты сказал тому парню, что можешь трахнуть его девушку лучше, чем он.

В общем, я вел себя как полная противоположность самому себе. Замечательно. Трезвый Оливер с трудом мог собраться с мыслями и составить слова в предложение. Пьяному Оливеру хватило смелости ввязаться в драку в баре.

Зажмурив свои и без того опухшие веки, я попытался собрать картину прошлой ночи воедино, но все по-прежнему казалось размытым. Я встал и почесал затылок.

– Можно мне воспользоваться ванной?

– Конечно, только не писай в цветок. Первая дверь слева. И съешь пончик. Твоему организму нужна пища, чтобы справиться с токсинами. – Настоящая мама. Она вышла из комнаты и крикнула: – Риз! Обувайся, живо!

Добравшись до ванной, я запер дверь, включил кран и плеснул в лицо водой. Тайлер живьем меня сожрет за то, что я сбежал с концерта. Все-таки надо было выступить прошлой ночью. Нет, не так. Мне вообще не стоило соглашаться на это чертово шоу. Слишком тяжело, слишком рано. Но я почему-то решил, что сцена поможет мне выбраться на свет и смириться с тем, что Алекса больше нет.

Гребаный, ты, идиот. Надо было просто взять и выступить.

Я хорошо помнил, как сидел вчера в гримерке и пытался собраться с духом, чтобы выйти на сцену и исполнить песни, которые пел на протяжении последних десяти с лишним лет. Нужно было только выбросить дурные мысли из головы, что у меня никогда не получалось. Когда я был трезвым, они поглощали мой разум целиком. А сегодня, я как последний идиот, не выпил ни капли. Потому что решил следовать примеру брата и выступить трезвым.

Алекс никогда не пил перед концертом. Ему не нужен был алкоголь, чтобы поймать правильный настрой. Медитация и молитва – вот все его ритуалы перед концертом. Ни водки, ни виски, ни наркотиков. Большую часть своей жизни Алекс уверенно стоял на ногах. В отличие от меня. Вечно снедаемого тревогами и плывущего по течению.

Прошлым вечером я пытался быть похожим на него. Я сидел в пустой гримерке и прислушивался к тишине, нарушаемой лишь лопастями потолочного вентилятора, гоняющего воздух по комнате. Так делал Алекс. Так он готовился к шоу. Я попробовал прочесть молитву, но мне показалось, что меня все равно никто не слышит. Попытался медитировать, но мои мысли оглушали.

Как Алекс это делал? Как заставлял свой разум замолчать, если мой никогда не утихал?

В тот вечер, когда над моей головой кружились лопасти вентилятора, а сердце бешено колотилось в груди, я сжал в кулаке украшение в форме осколка сердца, висевшее у меня на шее. Раньше, когда был моложе, я считал это глупостью. Но со временем, столкнувшись с суровым, жестоким миром, я все сильнее скучал по ласке родителей.

Я редко бывал в родительском доме в Техасе, поэтому всякий раз, прижимая украшение к груди, вспоминал о маме, отце и их любви.

В ту ночь перед шоу, без виски, без Алекса, мысли сжирали меня заживо. Я ненавижу так много думать. Ненавижу тишину. Порой тьма в моей голове разрасталась настолько, что я удивлялся, почему все еще дышу.

Я подумал об Алексе. От этого стало только хуже.

Перед самым началом концерта я предупредил Тайлера, что хочу выйти подышать на воздух. А потом ноги сами понесли меня прочь, я уже не мог остановиться. Что в итоге привело меня к настоящему моменту.

Я стоял в ванной комнате совершенно незнакомого человека, сгорая от стыда за то, в кого я превратился. Но самое паршивое, что я сделал очередную глупость и посмотрел в зеркало. В нем я увидел, насколько пустым и мучительным стало мое существование. Но что хуже всего? Я увидел брата.

6 Оливер

Пять лет назад

– Наш первый аншлаг! Просто потрясающе! – воскликнул Алекс, расхаживая по гримерке. Мы выступали в крошечном зале с самой маленькой гримеркой на свете, но нам было все равно. Впервые на наш концерт были распроданы все билеты, все триста штук. Огромное для нас событие. Площадка была забита зрителями, я слышал гул толпы за стеной.

Мои нервы натянулись до предела.

– Ты это видел? – спросил, как обычно взволнованный Алекс, держа передо мной газету. – Alex & Oliver – черные Сэмы Смиты современности, – процитировал он. – Конечно, упоминать цвет кожи немного по-расистски. И сравнение с другим артистом не всегда приятно, но черт! Я люблю Сэма Смита. Так что, если это не комплимент, тогда я не знаю, что это такое, – пошутил брат.

Наши голоса и цвет кожи неизменно вызывали горячий интерес таблоидов. Нас постоянно сравнивали с другими исполнителями. Это льстило и одновременно раздражало. Однажды нас даже приравняли к Dan+Shay⁹. Странная идея, учитывая, что они поют в стиле кантри, и единственное, что у нас общего – имена в названии группы.

– Какой-то сомнительный комплимент, – согласился я, нервно разминая пальцы.

Алекс взглянул на меня и хмыкнул.

– Опять за свое.

– Ты о чем?

– Слишком много думаешь. Послушай, Оливер, ты чертовски талантлив, и эти люди пришли сюда сегодня, чтобы увидеть твой талант. Мы справимся. Ты справишься. Это будет наше лучшее шоу. А теперь иди сюда. – Он широко раскинул руки, глядя на меня и кивая.

Я приподняла бровь.

– Что ты делаешь?

– Дарю тебе тепло братских объятий. Ну же, младший братец. Иди сюда и обними меня.

⁹ Американский кантри-дуэт, названный так по именам его участников, вокалистов и авторов-исполнителей Dan Smyers и Shay Mooney.

– Не смей называть меня «младшим братцем». Я родился всего на три минуты позже тебя.
– И это означает, что ты младший брат. А теперь идем. Братские объятия.

Я закатил глаза.

– Отстань, Алекс.

– Отлично. Хочешь строить из себя крутого и делать вид, что против обнимашек, ладно. –

Он пожал плечами, словно оставил эту идею.

Я подошел к зеркалу и начал поправлять свою одежду. Внезапно Алекс подскочил ко мне сзади и заключил в самые крепкие объятия, известные человечеству.

Не удержавшись, я расхохотался над выходкой моего болвана брата, сжавшего меня словно тиски и раскачивающего из стороны в сторону.

– Парни! – В гримерку влетел Тайлер и при виде нас вопросительно поднял бровь. Его нисколько не смутили наши обнимашки, Тайлер уже привык к тому, что мы парочка чудиков. – Не хотелось бы прерывать жаркие объятия, но вы должны пообщаться с поклонниками перед концертом.

Мы с Алексом переглянулись, посмотрели на Тайлера, а затем, молча приняв решение, бросились к нему и крепко обняли.

– Ради всего святого, отпустите меня, вы, маленькие эмоциональные засранцы, – простонал Тайлер.

– Мы черные Сэмы Смиты, ты разве не знал? – пошутил я.

– Да, я читал и уже пожаловался в редакцию из-за оскорбления. А теперь возьмите себя в руки. Впереди важное выступление. Возможно, именно сегодня вас заметит нужный человек, и мы получим шанс, который выпадает раз в жизни.

Старина Тайлер твердил нам это последние десять лет. Его пророчество так и не сбылось, но я не терял надежды.

Мы направились ко входу в зал, где выстроилась очередь зрителей, желающих пообщаться и получить автограф. Здесь собралось примерно сорок или пятьдесят человек. Настоящее безумие. Когда-то главными поклонниками нашего творчества были родители. Мама и папа по-прежнему оставались нашими ярыми фанатами. Но теперь в мире стало, по меньшей мере, на сорок с лишним больше человек, посчитавших необходимым выстоять очередь, чтобы с нами познакомиться.

Мы потрясающе проводили время болтая с фанатами и оставляя автографы на всем подряд, включая несколько пар сисек. Но по-настоящему я осознал насколько преданные у нас слушатели, когда подошла очередь двух девушек, поскольку одна из них выглядела очень беременной. Слово ее ребенок вот-вот попросится на свет. Подруга девушки или, возможно, ее сестра, судя по тому, насколько они были похожи, довольно ухмылялась.

Будущая мама положила дрожащие ладони на живот. Она заметно нервничала, но на ее губах играла легкая улыбка, которая показалась мне величайшей наградой. Потому что, при виде человека, так искренне радующегося встрече с нами, я чувствовал себя невероятно счастливым.

Девушки взяли за руки и подошли ближе, их колени тряслись от волнения.

– Привет, я... – начал я, но меня перебил чистый звонкий голосок не беременной поклонницы.

– Оливер Смит, да, мы знаем, привет. Как жизнь? А ты – Алекс Смит. Боже мой. Потрясающие. Вы оба. Вы олицетворяете все самое прекрасное, вдохновляющее и значимое в музыкальной индустрии. Ваша музыка уникальна. Я думаю, вы невероятные. И удивительные. И невероятно удивительные, и... и... – Она расхохоталась от восторга. Никогда в жизни не думал, что у нас с Алексом появятся фанатки.

Черт, нам повезло.

Вторая девушка потянулась вперед и ущипнула подругу за локоть, вынуждая ее замолчать.

– Извините, – пробормотала болтушка, слегка покраснев. – Я просто... *мы* так взволнованы встречей с вами, – сказала она, указывая на беременную девушку, которая по-прежнему молчала. Она протянула нам с Алексом два билета на концерт, чтобы мы их подписали. – Простите, к сожалению, у нас нет ничего подходящего для ваших автографов, с деньгами сейчас туго, но мы сохраним билеты на память.

– Это не главное, – ответил Алекс. – Мы очень рады, что вы вообще смогли прийти сегодня на концерт. – Он посмотрел на будущую маму и улыбнулся ей, отчего щеки девушки вспыхнули румянцем. – Приятно с вами познакомиться. На каком вы сроке? – спросил Алекс.

Девушка разомкнула губы, и уже собиралась заговорить, но тут ее снова охватило волнение, и она промолчала.

Подруга положила руку ей на предплечье.

– Она должна родить на следующей неделе.

Я вытаращил глаза от удивления.

– Серьезно? И ты все равно пришла на концерт Alex & Oliver? Вот это самоотверженность.

– Я же говорила, что мы ваши преданные поклонники, – пошутила она.

Я ухмыльнулся.

– Ну, если это будет мальчик, то Оливер – отличное имя.

– Алекс – гораздо лучше, – вклинился брат. – Александр тоже подойдет. А если это девочка, то Риз прекрасно звучит, к тому же это мое...

– Второе имя, – хором закончили за него девушки.

Алекс рассмеялся.

– Вы, и правда, большие поклонницы! – Он подмигнул им. Мне показалось, что девушки вот-вот завизжат от радости. – Кстати, вы сестры? Похожи как две капли воды.

– Мы просто сестры, но не близнецы. И между прочим, вы тоже похожи как две капли воды. Ну, то есть это очевидно, – застенчиво пробормотала девушка. Она так мило смущалась.

– Может, сфотографируемся на память? – предложил я.

– Да, пожалуйста, – обрадовалась девушка, доставая мобильный телефон и передавая его Тайлеру, который отвечал сегодня за фотосъемку.

Она подскочила ко мне с левой стороны, а вторая поклонница заняла место между мной и Алексом. Я поднял руку, чтобы обнять будущую маму за плечи, но ее сестра внезапно меня остановила.

– Подожди, не надо. Сестра не любит, когда к ней при...

– Все в порядке, – ответила беременная, качая головой. Она широко улыбнулась и кивнула, давая нам свое разрешение. Однако едва моя ладонь коснулась ее лопатки, все вдруг пошло не по плану.

– О, боже! – выдохнула она. В ту же секунду на мои туфли хлынула вода. Я почти не обратил на это внимания, поскольку испугался ее возгласа, и того, что он мог означать. У нее отошли воды. Мы все четверо заметно побледнели.

– О боже, – продолжала повторять она, обнимая руками живот. Ее взгляд метался от моих глаз к ботинкам и обратно. – Мне так жаль, простите, – лепетала девушка совершенно униженная случившимся. Она то и дело прочищала горло, ее голос дрожал от волнения.

– Черт с ними, не волнуйся об этом. Как ты себя чувствуешь?

Она не успела ответить, потому что ее сестра включила режим паники и подлетела к ней.

– Надо отвезти тебя в больницу. Мне жаль, но нам лучше поторопиться. Простите за туфли.

Я ухмыльнулся.

– Если ты обещаешь подумать над моим вариантом имени для ребенка, мы будем считать, что квиты. Желаю тебе удачи и поздравляю.

Светло-карие глаза Алекса светились теплотой и заботой, когда он добавил:

– Ты справишься.

Взгляд девушки затуманился от непролитых слез, а на губах вновь расцвела улыбка. Сестры еще раз нас поблагодарили и забрали свой телефон у насмешливо ухмыляющегося Тайлера, который все это время продолжал фотографировать.

Девушки уже шагали к выходу, когда беременная сестра внезапно обернулась.

– Алекс? Оливер?

– Да?

– Ваша музыка... ваши песни... они вернули мне свет. Надеюсь, вы понимаете, насколько важно для всего мира то, что вы делаете. Вы даже не представляете, как сильно мне помогли.

Глаза Алекса заблестели, но он справился с эмоциями и слегка ухмыльнулся. Он всегда был особенно чувствительным.

– Без всех вас наша музыка перестала бы существовать. Так что ты тоже не представляешь, но это ты нам помогла.

Я кивнул.

– Без вас мы поем во мраке. Это вы освещаете нам путь.

Они поспешили прочь, а я опустил взгляд на лужу под ногами, затем повернулся к Тайлеру.

– Мне нужны новые туфли.

Алекс улыбнулся мне словно чеширский кот.

– Эта лужа напомнила мне о песне, которая отлично подойдет для сегодняшнего выступления.

– Какой?

– Float On от Modest Mouse¹⁰.

Я одарил брата ухмылкой, столь же безумной как та, что играла на его губах. Потому что эта песня идеально подходила ситуации. Именно так мы поступили после волнительного и в то же время прекрасного случая с участием двух сестер.

Мы поплыли дальше и отыграли тем вечером один из лучших концертов.

¹⁰ Float On – пер. с англ. Поплыли. Песня американской рок-группы Modest Mouse, выпущенная 8 марта 2004 года в качестве ведущего сингла с их четвертого студийного альбома «Хорошие новости для людей, которые любят плохие новости».

7 Оливер

Настоящее

– Эй, мистер! Мистер! Номер один или номер два? – тонкий детский голосок и стук в дверь ванной оторвал меня от мыслей о прошлом.

Я едва не усмехнулся неумному любопытству этого ребенка. Я не очень любил детей, но должен заметить эта малышка вела себя смело и напористо.

– Номер три.

Она ахнула и бросилась прочь.

– Мамочка! У нашего гостя диарея! – заорала она, заставив меня изумленно распахнуть глаза. Я не подозревал о существовании номера три, и теперь ее мама думала, что я не могу слезть с их унитаза.

Отлично, Оливер.

Через пару секунд в дверь снова постучали, и раздался голос, на этот раз не детский.

– Э-э, прости, что прерываю, но ты не мог бы поторопиться? Мне нужно отвезти дочь в летний лагерь, и сделать много других дел. Так что... – Она затихла, когда я открыл дверь. – То есть, если ты в порядке. Если нет, мы вполне можем опоздать. Ну, или если, у тебя номер три, тогда...

Я распахнул дверь.

– Извини. Я готов идти, – ответил я, борясь с нарастающим внутри смущением. Чудесно. Она решила, что я оккупировал туалет.

– Нет, не готов! Ты не спустил за собой воду в унитазе и не вымыл руки! – прокричала мне малышка. Опять эта девчонка и ее вопли. Неужели она не умеет разговаривать спокойно?

Я подошел к унитазу, спустил воду, затем двинулся к раковине и быстро вымыв руки, насухо их вытер.

– Вот, – сказал я, притворно улыбаясь. – Теперь довольна?

Она уперла кулачки в бедра, как самая нахальная девица на свете.

– Нужно мыть руки напевая «Мерцай, мерцай, маленькая звездочка», только так можно избавиться от всех микробов.

– Да, но знаешь что? Нам сейчас некогда. Давай, пойдем скорее, – сказала девушка, торопясь к входной двери.

Мы миновали коридор и в полнейшей тишине спустились на лифте вниз. Когда оказались на первом этаже из офисного помещения вышел мужчина и что-то прокричал нам вслед.

– Эмери! Эмери! Ты не оплатила аренду, – сказал он.

Ее звали Эмери. Мне понравилось имя. Насколько я мог судить, оно ей подходило.

Она занервничала, схватила ребенка за руку и прибавила шагу.

– Я знаю, Эд, знаю. Клянусь, оплачу сегодня. Я получу зарплату в «Семь».

– Надеюсь, что это правда. Честно, Эмери. Ты ведь знаешь, что нравишься мне. Я из кожи вон лез, чтобы тебя прикрыть, но не могу позволить тебе и дальше тянуть с оплатой.

Эмери опустила взгляд, чувство стыда накрыло ее с головой. Она казалась такой хрупкой, словно могла разбиться вдребезги, не выдержав еще одного удара жизни. Однако в ее словах прозвучали суровые нотки, когда она, понизив голос, ответила:

– Мы можем обсудить это позже, Эд? Не перед ребенком?

Эд перевел взгляд на Риз и удрученно нахмурился.

– Да, конечно. Только постарайся достать деньги, ладно?

– Непременно.

Риз потянула мать за рукав.

– Мапочка, у меня в копилке есть деньги, возьми их.

И тогда я понял, что несмотря на ее дерзость у этой девчонки золотое сердце. Эмери, казалось, вот-вот расплатится от предложения своей дочери.

Но тут Эд взглянул на меня и выпучил глаза.

– Срань господня! Ты Оливер См...

Эмери вцепилась в меня свободной рукой и в защитном порыве притянула ближе к себе.

– Ладно, поболтаем позже... пока, Эд!

Эта женщина справилась с ситуацией лучше, чем моя служба безопасности.

Мы поспешно вышли из подъезда и направились за угол. Эмери подошла к своей машине и посмотрела на меня.

– Тебе стоит убраться из «Доджа», пока никто не узнал, что ты здесь. У Эда длинный язык.

Я потер затылок и кивнул.

– Ладно. Прости за все неудобства, что я тебе доставил.

Она изогнула губы в искренней улыбке. И я понял, что ошибался. Ее главное украшение – не прекрасные глаза, а улыбка. Но она лидировала с минимальным отрывом.

А эти глаза в сочетании с улыбкой? Невероятно красиво.

Впервые, увидев ее улыбающееся лицо, я почувствовал, как что-то кольнуло в груди. Ощущение дежавю.

– Извинения приняты. – Эмери открыла заднюю дверцу машины и помогла дочери взобраться в кресло-бустер. Затем, хлопнув дверцей, повернулась ко мне. Она положила руки на бедра и прищурилась от яркого солнца. – Что ж, была рада с тобой познакомиться. Пусть это и была одна из самых странных ночей в моей жизни.

Я понимающе кивнул.

Она обошла машину, остановилась у водительской дверцы и снова взглянула на меня. Я вертел головой, глядя то вниз, то вверх по улице, пытаюсь сориентироваться. Но, разумеется, я понятия не имел, где нахожусь.

Эмери прочистила горло и похлопала ладонью по крыше машины.

– Тебя нужно подвезти?

– Было бы здорово, – выдохнул я, направляясь к пассажирской дверце.

Она тихонько хмыкнула и покачала головой.

– Э-э, вообще-то я имела в виду заказать машину в приложении. Lyft, например. Или такси. Может, Uber... – Она замолчала, вероятно, заметив абсолютно идиотское выражение моего лица.

Конечно, она имела в виду именно это. Оливер, ну ты и тупица.

– Да, точно. Я вот о чем. Я бы... э-э... да. Ладно.

Судя по всему, она надо мной сжалилась, потому что тоже оглядела улицу и бросила взгляд на часы.

– Или давай я подброшу тебя куда нужно.

Я нахмурил брови.

– Тебе удобно?

– Конечно. Пара пустяков.

– У тебя, наверное, куча дел...

– Нет, вовсе нет. Маму уволили из отеля, поэтому она свободна весь день, – как ни в чем не бывало заявила Риз через открытое окно.

Эмери уставилась на дочь.

– Откуда ты знаешь?

Девочка пожала плечами.

– Слышала, как ты на днях говорила об этом с мисс Эбигейл, когда привела меня к ней.

Эмери смущенно улыбнулась мне.

– Детям свойственно много болтать. Но это правда. Я не слишком занята, так что могу тебя подбросить.

– Спасибо. – Я снова потянулся к пассажирской дверце, но девушка остановила меня взмахом руки.

– Стоп, стоп. Куда это ты собрался?

– Я думал, ты меня подвезешь.

– Да. – Она кивнула. – Но после вчерашней поездки ты потерял право на переднее сиденье. Садись назад.

И что это значит?

– Поторопись, пожалуйста, хорошо? Риз нельзя опаздывать.

Эмери запрыгнула на водительское сиденье. Я протиснулся на заднее и, словно нашкодивший ребенок, уселся рядом с Риз. Мне не хватало только кресла-бустера.

– Боже милостивый, что за вонь? – выпалил я.

– Это, дружок, запах твоей рвоты, – ответила Эмери.

– Меня вырвало в машине?

– Да, и на меня тоже.

Глупому мне на заметку: ты должен этой девушке химчистку салона, комнатный цветок и, вероятно, миллион долларов за то, что она нянчилась с твоей пьяной задницей.

Каждая самоуничижительная мысль, которая только могла прийти мне в голову, заполнила мой разум целиком и полностью. Я был в шоке, что Эмери не вышвырнула меня на обочину дороги и не оставила на растерзание стервятникам. Им или папарацци, что по сути одно и то же.

Эмери повернула ключ в замке зажигания. Двигатель зарычал, засвистел, затарахтел, фыркнул и, наконец, машина тронулась с места.

– Тебя стошнило в маминой машине? – закричала Риз, скривив личико от отвращения. – Фу, мерзость.

– Наверное, это вышло случайно. – Я посмотрел вперед, на Эмери. – Я оплачу химчистку.

Девушка пожала плечами и открыла окна, чтобы проветрить салон.

– Не переживай. Я что-нибудь придумаю.

Риз, зажимая нос пальцами, спросила:

– Мама, включишь нашу музыку?

Эмери оглянулась на дочь, выезжая на дорогу.

– Не сегодня, милая.

Риз убрала руку от лица, выглядя шокированной.

– Но, мама! Мы слушаем ее каждый день!

– Да, и поэтому сегодня сделаем перерыв.

– Но, мама! – захныкала Риз. В этот момент я был на сто процентов уверен, что не создан для отцовства. А вот из Алекса получился бы замечательный отец.

Хватит думать о нем, Оливер.

Жаль, что нельзя отключить свой мозг так же просто, как перекрыть кран. Легко и быстро.

– Хорошо, – сдалась наконец Эмери, и включила до боли знакомый трек, из-за которого выкинуть брата из головы стало для меня практически невозможным.

Это была песня *Tempted* с нашего первого альбома. Я не слышал ее много лет, и когда она заиграла, почувствовал, как по телу побежали мурашки. Сколько лет прошло с тех пор, когда дни казались короче, а музыка рождалась сама собой.

Это была одна из любимых песен Алекса.

Эмери посмотрела на меня через зеркало заднего вида.

– Я не какая-то сумасшедшая фанатка, – прокомментировала она, снова вернув внимание к дороге. – Нам просто очень нравится эта песня.

– Все нормально. Ты имеешь право любить мои песни.

Риз прищурилась.

– Это не твоя песня.

– Моя.

– Нет, не твоя! Это музыка Алекса и Оливера Смиф! – категорически заявила она.

– Смит, – поправил я. Ее «Смиф» прозвучало почти как «миф», отчего мне на мгновение почудилось, что меня как будто не существует. Забавно, именно так я обычно себя и ощущал.

– Я так и сказала, – согласилась она. – И это не ты.

– Малышка, я точно знаю, кто я.

– Ты понятия не имеешь, кто ты, – возразила Риз, и, черт меня возьми, если ее слова не попали в цель.

– Это правда, Риз. Он – Оливер Смит. И это его песня, – вмешалась Эмери.

Девочка в шоке раскрыла рот, и выпучила глаза так сильно, как я и представить себе не мог. А затем она прошептала. Кто бы знал, что эта малышка владеет искусством шепота.

– Ты... – неуверенно произнесла она слегка дрожащим голосом. – Ты из *Alex & Oliver*?

– Да. – Я помолчал. – Был когда-то.

Прежде чем посмотреть на Риз, я поймал в зеркале заднего вида печальный взгляд Эмери.

– О... Мои... Бананы, – ошеломленно пробормотала девочка и хлопнула себя ладошками по побледневшим щекам.

– О, мои бананы? – Это что-то новенькое.

Эмери хихикнула.

– Очевидно, мы обе твои поклонницы. Хочешь что-нибудь сказать Оливеру, Риз?

– Да. – Риз немного поерзала на своем кресле-бустере, затем сцепила пальцы рук и посмотрела на меня. – Нам нравятся только первые два альбома, потому что остальные – это второсортный попсовый мусор, созданный исключительно ради денег, а не ради творчества. Мы не слушаем их, потому что они хоть и второсортный, но все равно мусор.

– Риз! – ахнула Эмери, качая головой. – Нельзя так говорить!

– Но, мама, это правда, а ты учила меня, что честность – это главное. К тому же, про второсортный мусор ты сама мне сказала. Помнишь?

Я не смог удержаться и улыбнулся малышке. Черт... когда я в последний раз улыбался? Пора завести дневник и отмечать в нем яркие моменты. Возможно, если я буду видеть, что проблески радости еще остались в моей жизни, то перестану идти на дно.

– Прости за это, – сказала Эмери. – Знаешь, как говорят, дети постоянно болтают чепуху.

– Эй, мистер Смиф? – позвала Риз, дергая меня за рукав рубашки.

– *Смит.*

– Я так и сказала. Мистер Смиф, как думаете, у вас когда-нибудь снова получатся хорошие песни?

– Риз! – снова ахнула Эмери, на ее лице читалось смущение.

Я проглотил обиду и пожал плечами.

– Похоже, это вопрос года, малышка.

Риз скрестила руки на груди.

– Хватит называть меня малышкой. Мне пять лет. Я уже большая девочка.

– Я перестану называть тебя малышкой, когда ты перестанешь называть меня Смифом.

– Заметано, мистер *Смиф!* – огрызнулась она в ответ самым дерзким тоном, на какой была способна.

– Так, ладно, утренняя болтовня это прекрасно, но давайте остаток пути помолчим и послушаем музыку, хорошо? – вмешалась Эмери.

Примерно двадцать минут спустя мы подъехали к лагерю, и Эмери припарковала машину.

– Я отведу Риз. Скоро вернусь.

Девочка выбралась из машины и, надевая на спину рюкзак, не забыла еще раз меня уколоть.

– Пока, мистер Смиф. Надеюсь, ты начнешь снова писать хорошие песни.

Ты, я, мы оба надеемся, малышка.

– О, и еще, мистер Смиф?

– Да?

– Мне жаль вашего брафа, – сказала она, слегка шепелявя. – Он был моим любимчиком. Не знаю почему, но эти слова из уст маленькой девочки поразили меня сильнее, чем когда-либо прежде. Я едва не разрыдался на заднем сиденье пропахшего рвотой автомобиля.

– Он был и моим любимчиком, малышка.

Она улынулась так широко, что на долю секунды мне показалось, будто эта улыбка способна исцелить мою боль.

– Не называйте меня малышкой, мистер Смиф.

Она поспешила к матери, а я, бездумно попытался проверить свой телефон, который по-прежнему был выключен. Интересно, решили ли все вокруг, что я валяюсь мертвым где-то в канаве? И скольких человек это порадовало бы. *Хватит думать о плохом.* Больно признавать, но подобные мысли часто проносились у меня в голове. Видимо, так бывает, когда теряешь близкого, который был тебе дороже целого мира.

Я не хочу быть здесь.

Черт. Родители.

Всякий раз, задумываясь о смерти, я рано или поздно вспоминал о родителях.

Они, наверное, ужасно беспокоились обо мне. Уверен, они видели статьи папарацци. Не удивлюсь, если мама уже забронировала билеты первого класса до Лос-Анджелеса, чтобы убедиться, что со мной все в порядке.

– Прости за это, – сказала Эмери, усаживаясь обратно за руль. Она повернулась ко мне и едва заметно улыбнулась. Станным образом эта улыбка еще немного облегчила мою боль. – Куда едем?

Я продиктовал адрес, и мы тронулись с места.

Постукивая пальцами по колену, я вслушивался в музыку, по-прежнему звучащую в салоне. С каждым гитарным риффом Алекса, мое сердце все сильнее сжималось в груди.

– Может, обойдемся без музыки? Я не очень люблю слушать собственные песни. Да, и вообще любые наши записи с тех пор как... – Я замолчал и посмотрел в зеркало заднего вида, заметив, как смягчился ее взгляд. В карих глазах промелькнула вина.

Она быстро выключила музыку и что-то пробормотала себе под нос. Я не расслышал слов. Но если это были соболезнования, то я и не хотел их слышать. Мне приходило столько писем от сочувствующих, что любые слова казались формальными.

Мы проехали несколько кварталов в тишине, прежде чем снова зазвучал мягкий голос Эмери. Мне стало интересно, сводит ли ее с ума молчание так же, как меня. Копаются ли другие люди в своих мыслях так же, как я.

– Ты совсем другой сегодня, – сказала она, начиная разговор и не подозревая, как я в нем нуждался. – Вчера вечером ты вел себя иначе, я не таким тебя представляла. Мне всегда казалось, что ты более сдержанный.

От волнения мой желудок скрутился в узел, я изо всех сил пытался собрать воедино события прошлой ночи. Похоже, я опозорился и выставил себя полным ослом перед этой бедной девушкой.

– Я был сам не свой. – Не знаю, когда в последний раз я был самим собой. – Если я чем-то тебя обидел...

– Не извиняйся, – перебила она. – Я все понимаю. Со мной тоже такое случалось. Однажды я так напилась, что вырубилась в доме какого-то случайного знакомого и проснулась рядом с ведром для блевотины и с оберткой «Тако Белл», прилипшей к щеке. Думаю, это бывало с каждым.

Мне почему-то сразу стало легче. Я совсем не знал Эмери, но было в ней что-то такое, что побуждало меня выбраться из собственной раковины.

– Ты написала в чей-то комнатный цветок? – спросил я.

– Нет. Но, как говорится, никогда не говори никогда.

Я тихонько усмехнулся, и Эмери обернулась, словно удивившись услышанному звуку. Каждый раз, когда она оглядывалась на меня, я чувствовал жар на своей коже.

Странно.

– И сегодня ты гораздо тише, – сказала она.

– Я вообще тихий человек. Просто, когда выпиваю, становлюсь непохожим на себя.

– Тогда зачем пьешь?

– Потому что становлюсь непохожим на себя.

Похоже, ее потряс мой ответ.

– Не знаю, намеренно ты это делаешь или для тебя это в порядке вещей, но иногда ты так говоришь, словно пишешь текст для следующей моей любимой песни.

Если бы создать чью-то любимую песню было так просто. Мой звукозаписывающий лейбл пришел бы в восторг.

– О! Смотри! – воскликнула Эмери, указывая на что-то за окном. – Если тебе интересно, в чем я сильно сомневаюсь, то здесь готовят лучшую мексиканскую еду на свете. Называется *Mi Amor Burritos* и твоя жизнь изменится навсегда, когда ты ее попробуешь. – Девушка кивнула, соглашаясь сама с собой. Мы с ней были такими разными, по характеру она больше напоминала Алекса. Эмери с легкостью поддерживала разговор, а я с трудом мог собраться с мыслями. – Это место настоящая дыра. Я знаю о нем, только потому, что моя сестра Сэмми случайно

наткнулась на него, когда приезжала погостить к нам. У нее настоящий талант находить что-то чудесное в самых неожиданных местах.

– Вы близки с сестрой?

После секундного колебания она тяжело сглотнула и уставилась на дорогу.

– Были когда-то.

Ради всего святого.

– Сочувствую.

– Не стоит. Она жива, с ней все в порядке. Просто... Я не видела ее уже несколько лет, с тех пор как она отправилась «искать себя». Мы по-прежнему иногда общаемся, но уже не так, как раньше. Она путешествует по Штатам, пытаясь найти «свое место».

– Думаешь, в этом есть смысл? В том, что существует место, которому ты принадлежишь?

– Мне кажется, чувство принадлежности может проявляться по-разному. Не только по отношению к месту, но и к человеку, вещи, роду деятельности.

– А что для тебя «свое место»?

– Моя дочь, – без колебаний ответила девушка. – Она – моя тихая гавань. А что насчет тебя?

Я молчал. Взглянув в зеркало заднего вида, я заметил, что Эмери слегка нахмурилась. Она не настаивала на ответе, и я мысленно поблагодарил ее за это.

Примерно через двадцать минут мы свернули на мою улицу и подъехали к воротам закрытого жилого комплекса. К машине подошел Стивен, охранник с планшетом в руках и рацией на бедре.

Эмери опустила окно и улыбнулась ему. Стивен не улыбнулся в ответ. Вероятно, потому что ему постоянно приходилось иметь дело с полчищами фанатов и папарацци, пытающихся прорваться через эти металлические ворота.

– Чем я могу вам помочь, мэм? Вы заблудились?

– Ладно, я точно не в Канзасе, – пробормотала Эмери, глядя на огромные дома по ту сторону ворот, а затем кивком указала на заднее сиденье машины. – Я привезла ценную посылку.

Стивен заглянул в салон, заметил меня, но так и не улыбнулся. Только кивнул.

– Здравствуйте, мистер Смит.

– Привет, Стивен.

– Ну и наделали вы шуму в наших краях.

Я ухмыльнулся, вскидывая руки в воздух.

– Всегда пожалуйста, рад был развлечь.

– Не даете мне скучать, – ответил охранник.

Стивен скрылся из виду, и вскоре ворота распахнулись. Эмери, открыв рот от изумления, поехала дальше. Держу пари, открой она его еще чуть шире, в него бы точно залетела муха.

– Неужели люди действительно так живут? – ошеломленно спросила она.

– Ага. – Кивнул я, оглядывая многомиллионные особняки. Ходили слухи, что недавно в паре кварталов от меня поселилась Деми Ловато. Алексу бы понравилась эта новость, он был ее поклонником. – Вот на что мы тратим свои состояния.

– Срань господня, – выдохнула Эмери, когда мы, поднимаясь на холм, обогнали прогуливающуюся пару. – Это была Кардашьян? Божечки, это она! – громко прошептала девушка в открытое окно.

– Дженнер, – поправил я.

– Да без разницы, – вздохнула она, явно слегка ошарашенная. Никогда бы не подумал, что Эмери фанатеет от Кардашьян, но, как известно, люди порой способны удивлять.

– Я бы отдала свою левую грудь, чтобы заполучить помаду Кайли от ее косметического бренда.

– Мне кажется человеку, раздающему свои части тела в обмен на косметику, стоит пересмотреть свои приоритеты.

– Ты просто не понимаешь, насколько хороша эта помада.

Подъехав к моему дому, Эмери остановила автомобиль на подъездной дорожке. Я уже заметил пару, расположившуюся на моем крыльце, и понял, что за вчерашний вечер придется отвечать.

– Кто это? Твои пиар-агенты? Решили оценить последствия минувшей ночи?

– Хуже. Это мои родители.

Она припарковала машину. Я выбрался с заднего сиденья, подошел к водительской двери и наклонился к открытому окну.

– Спасибо, что выручила.

– Нет проблем, правда. – Девушка заправила свои густые длинные локоны за уши и прошептала: – Как ни странно, но у меня почти сбылась мечта. – Я пристально изучал ее взглядом, пока она нервно покусывала нижнюю губу и ерзала на сиденье. – Можно тебя кое о чем спросить?

Я кивнул.

– Если это слишком личное, то не отвечай.

Я снова кивнул.

Она наклонилась, придвинулась ближе ко мне и положила руки на дверцу автомобиля рядом с моими.

– Как ты? Ну, в целом. Ты в порядке?

В ее голосе звучало столько нежности и заботы. Вот что я чувствовал с тех пор как проснулся в ее доме этим утром. Словно меня окутало теплым одеялом, не позволяющим мне рассыпаться на части. В карих глазах Эмери светилось неподдельное участие.

Почему она за меня переживает?

Я для нее никто. Но, возможно, она беспокоилась об Оливере Смите – известном исполнителе, а не о настоящем, реальном Оливере Смите. Если бы она знала всю правду обо мне, то, наверное, не волновалась бы так сильно.

Я знал, что должен ей сказать. То же, что отвечал всему остальному миру. Я собирался солгать. Хотел сказать, что я в порядке, у меня все хорошо. Но мои губы вдруг разомкнулись, а голос надломился, когда я ответил:

– Нет.

Нет.

Было так приятно произнести это слово.

Нет, я не в порядке. Нет, не будет лучше. Нет, легче не становится.

Нет.

Она улыбнулась мне так печально, словно едва сдерживала слезы. Никогда не думал, что улыбка может быть настолько грустной. Как ни странно, но ее печаль немного уладила мое внутреннее отчаяние.

Эмери накрыла мою ладонь своей и слегка сжала. Ее кожа оказалась теплой и мягкой, как я и представлял.

– Мне так жаль, Оливер. Я буду молиться, чтобы для тебя настали лучшие времена. Ты этого заслуживаешь.

Эта девушка вообще настоящая? Или плод моего воображения, явившийся сказать мне именно те слова, в которых я нуждался? Я мог бы рассказать ей правду о молитвах, о том, что они никогда не помогают. Перед тем как констатировали смерть Алекса, я молился, просил вернуть его мне, но этого так и не произошло. Я молился о собственном исцелении, но легче мне не стало. Я просил Вселенную забрать меня, но остался жив.

Впрочем, я не жил. Я был ходячим мертвецом, безмолвно молящим, чтобы солнце померкло навсегда и мои страдания закончились.

Я не хочу быть здесь.

Как только Эмери убрала свою ладонь от моей, то тепло, которое она мне дарила, начало исчезать. Я не успел ничего ответить, поскольку мне навстречу уже спешили родители. Девушка отстранилась, лишая меня своей поддержки и кивнула, словно прощаясь. В этот момент ко мне подбежала мама и крепко обняла.

– Боже мой, Оливер! Ты в порядке?

– Да, мам. Со мной все нормально, – солгал я.

Иногда легче поделиться правдой с незнакомцем. Она не ранит их так сильно, как близких. Я не сомневался, что если родители поймут, что со мной что-то не так, то станут изводить себя. Не хватало еще, чтобы они переживали за того, по чьей вине лишились половины сердца.

Оглянувшись на Эмери, я заметил слабую улыбку на ее губах. Она слышала, как я солгал родителям. Я грустно улыбнулся в ответ.

Она смотрела на меня, словно говоря: «Я вижу тебя, Оливер, все будет хорошо». Девушка снова кивнула, включила заднюю передачу, развернулась и уехала. В отличие от того, как я ворвался в ее мир, она покидала мой медленно и элегантно.

– Зачем вы приехали? – спросил я отца, притянувшего меня в объятия краткие по сравнению с мамиными.

– Ну, мы совершенно случайно узнали о твоём выступлении и решили, что тебе не помешает поддержка семьи, – ответил папа. – Но когда прилетели, не смогли до тебя дозвониться и поэтому забеспокоились.

Мама вновь обняла меня, ее глаза заблестели от непролитых слез.

– Я так испугалась, что с тобой что-то случилось.

Тяжесть ее слов и поселившийся в ней страх, вынудили меня почувствовать себя худшим сыном в мире.

– Прости, мам. Телефон разрядился, и я не мог добраться до дома. Извини, что заставил волноваться. Я не хотел тебя расстраивать.

Она положила одну руку на кулон в форме половины сердца у меня на шее, а другую – на мою щеку и улыбнулась мне сквозь слезы. Потом чмокнула в щеку и шмыгнула носом.

– Больше так не делай, или, да поможет мне бог, я установлю маячок в твой телефон. А теперь пойдем в дом. Ты, наверное, проголодался. Я приготовлю тебе поесть. – Мама направилась к входной двери, а отец немного задержался со мной.

В отличие от мамы, отец не был столь словоохотливым. Он говорил мало и в основном только по делу. Эта черта досталась мне от него, в то время как характер Алекса больше напоминал мамин. Отец успокаивающе положил ладонь мне на плечо и сжал.

– Ты в порядке, сынок? – спросил он глубоким и как обычно спокойным голосом. На моей памяти отец ни разу не повысил голос. Пожалуй, он был самым спокойным человеком из всех, кого я знал.

– Да, все хорошо.

Он понимающе кивнул.

– А кто это тебя подвез?

– Просто случайная знакомая. Она оказалась настолько любезна, что выручила меня вчера вечером.

– Симпатичная знакомая, – сказал папа с ухмылкой на губах, толкнув меня плечом.

– Правда? Я даже не заметил. Мне просто хотелось поскорее оказаться дома.

Отец усмехнулся.

– Лжец.

Верно. Нужно быть слепым, чтобы не заметить красоту Эмери. В другое время, в другом месте, я бы непременно попросил у нее номер телефона. Но мир, в котором существовал я, слишком сильно отличался от того, в котором жила она. Ее мир казался более прочным, чем мой.

К тому же была еще и Кэм.

Интересно сколько сообщений она отправила на мой разряженный телефон.

– Хочешь поговорить о вчерашнем? – спросил отец, пока мы поднимались по ступенькам крыльца.

– Не сейчас.

– Ладно. Дай знать, если будешь готов. Мы всегда рядом.

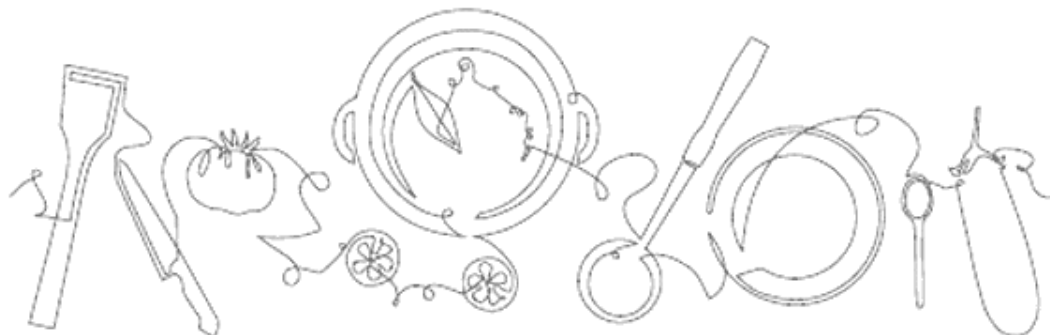
Мои родители олицетворяли собой терпение. Они никогда не настаивали, чтобы я поделился мыслями, наводнявшими мой разум. Чаще всего они внезапно приезжали, наготавливали кучу вкусностей, мы слушали музыку и говорили обо всем на свете, кроме моей карьеры и эмоционального состояния.

Я не сомневался: когда решу поделиться своими переживаниями, они будут рядом. Приятно знать, что даже если ты заблудился, твой дом не исчез, он просто скрылся из виду. Наслаждаясь едой и беседой с родителями, я чувствовал себя не так одиноко.

Затем, мои мысли невольно вернулись к Эмери. Она стала самым приятным предметом для размышления за последнее время, и мне нравился тот факт, что она поселилась в моих мыслях.

8 Эмери

Когда-то мы с сестрой были лучшими подругами.

Мы делились секретами и утешали друг друга, если наши родители чересчур строго с нами обходились. То есть чересчур строго обходились со мной. Они никогда не были строги к Сэмми. Может, потому, что она младшая. А может, причина в том, что ее любили немного больше, чем меня. А может, просто потому, что считали ее своей идеальной малышкой, не способной сотворить ничего дурного.

Но за прошедшие пять лет, с тех пор как родилась Риз, наши отношения с сестрой изменились. Мы перестали общаться, как раньше, наши разговоры стали неискренними. Впрочем, мы по-прежнему созванивались, и порой мне даже казалось, что между нами все как прежде, когда она прикрывала мою спину, а я ее. И мы выбалтывали друг другу наши заветные тайны.

Ее сегодняшний короткий звонок вновь вернул меня в те чудесные времена. Словно мы снова стали лучшими подругами.

– *Обожемооой!* Расскажи мне все! Все. Каждую. Деталь! Не упускай ни единой мелочи, – пропищала Сэмми в трубку, в тот момент, когда я со стопкой резюме в руках вошла в свою квартиру. После особняков, возле одного из которых я высадила Оливера, собственное жилище казалось тесным чуланом. Как только у меня выдалась свободная минутка, я написала Сэмми и рассказала обо всем, что приключилось прошлой ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.